

INTERACTIONS, **CHANGES** AND **MEANINGS.**

Essays in honour of Igor Manzura
on the occasion of his 60th birthday

Edited by
Stanislav Terna and Blagoje Govedarica

KISHINEV
2016

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. **ДИНАМИКА** **И СМЫСЛЫ.**

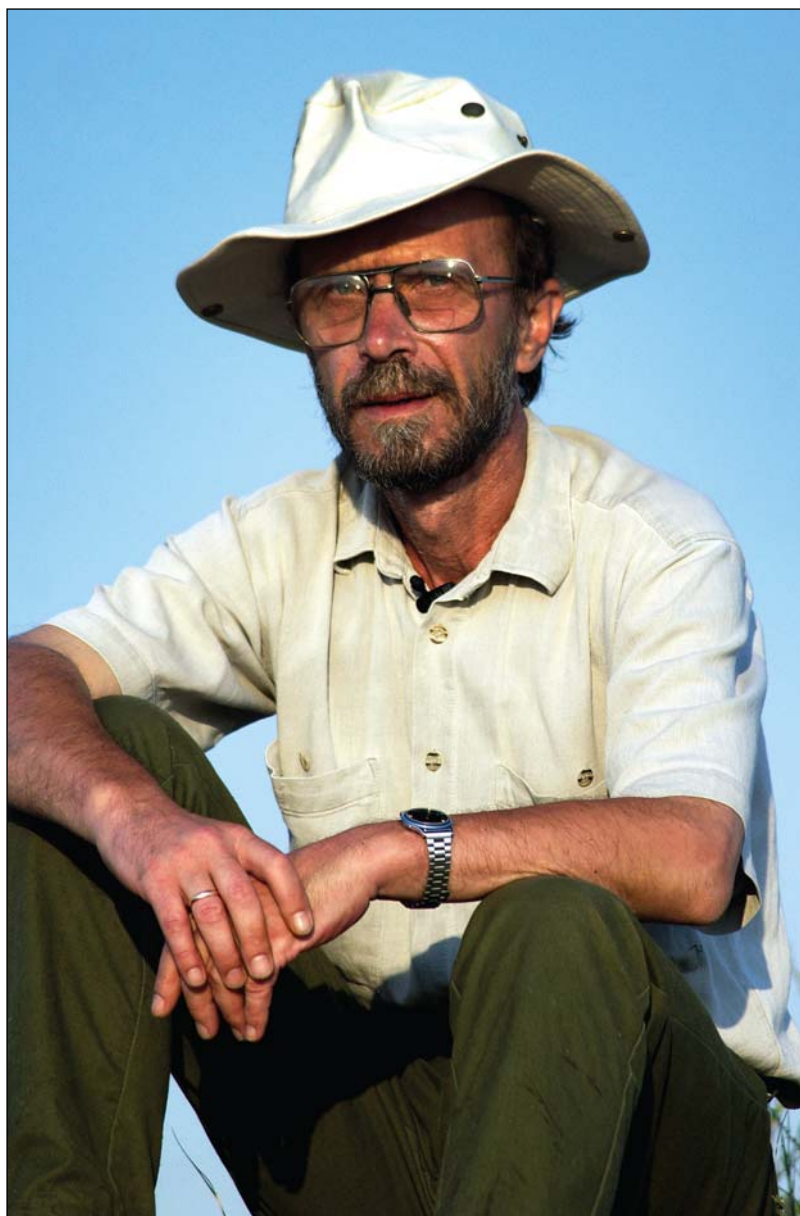
Сборник статей в честь 60-летия И. В. Манзуры

*Под редакцией
Станислава Церны и Благое Говедарицы*

КИШИНЕВ
2016

60-летию
Игоря Васильевича Манзуры
посвящается

Dedicated to 60th anniversary of Igor V. Manzura

Manz

CONTENTS

Tabula Gratulatoria	9
Introduction.	11
List of published works by Igor Manzura	15
Album of Photos	19
 P. Biagi (Venice, Italy), E. Starnini (Turin, Italy). The Origin and Spread of the Late Mesolithic Blade and Trapeze Industries in Europe: Reconsidering J. G. D. Clark's Hypothesis Fifty Years After.	33
 T. Saile (Regensburg, Germany), S. Țerna (Kishinev, Moldova), M. Dębiec, M. Posselt (Regensburg, Germany). On the Interpretation of Dwelling Complexes from the Eastern Linear Pottery Cultural Area: new materials from field investigations from the Republic of Moldova.	47
 S. Kadrow, A. Rauba-Bukowska (Kraków, Poland). Ceramics Technology and Transfer of Ideas in the West Carpathian Region in Neolithic.	65
 C.-E. Ursu (Suceava, Romania). Precucuteni — a culture or a chronological horizon?	73
 B. Govedarica (Berlin, Germany). Conflict or Coexistence: Steppe and Agricultural Societies in the Early Copper Age of the Northwest Black Sea Area	81
 D. V. Kiosak, L. V. Subbotin (Odessa, Ukraine). On the Blade Detachment Technique in the Bolgrad Variant of Gumelnita Culture	93
 S. Hansen (Berlin, Germany). Innovationen und Wissenstransfer in der frühen Metallurgie des westlichen Eurasiens.	107
 I. V. Bruyako (Odessa, Ukraine). The Natural Landscape of the Settlement of Kartal in the Eneolithic Epoch.	121
 E. Kaiser (Berlin, Germany). Die ältesten Grabhügel in Ost- und Südosteuropa.	133
 Yu. Rassamakin (Kiev, Ukraine). An Unique Eneolithic Cemetery on the Island Khortytsia in the Dnieper Rapids Area (Ukraine): preliminary results of investigations	145
 V. Nikolov (Sofia, Bulgaria). The Chalcolithic Stone Fortress of Provadia-Solnitsata	169
 N. B. Burdo, M. Yu. Videiko (Kiev, Ukraine). “Buried Houses” and Cucuteni-Trypillia Settlements Incineration Ritual	175

R. Hofmann (<i>Kiel, Germany</i>), A. Diachenko (<i>Kiev, Ukraine</i>), J. Müller (<i>Kiel, Germany</i>). Demographic Trends and Socio-economic Dynamics: Some Issues of Correlation . . .	193
S.N. Korenevskiy (<i>Moscow, Russian Federation</i>). On Beakers and Amphora Type Vessels of the Maykop-Novosvobodnaya Community and the Problem of their Analogies in the West	199
V.M. Bikbaev (<i>Kishinev, Moldova</i>). Painted Amphora with Scenes of Ritual Dances from a Late Tripolian Settlement at Chirileni (Sângerei, Moldova)	227
O. Levițki, Gh. Sîrbu (<i>Kishinev, Moldova</i>), I. Bajureanu (<i>Trinca, Moldova</i>). Microzona Trinca în contextul eneoliticului est-carpatic	255
S.V. Ivanova (<i>Odessa, Ukraine</i>). Barrows vs Settlements: Herdsmen vs Farmers	273
L.S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Problem of Archaeological Identification of Tocharians	293
S.D. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>), S.N. Razumov (<i>Tiraspol, Moldova</i>), S.S. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>), V.S. Sinika (<i>Tiraspol, Moldova</i>). New Finds of the Bronze Age Metal Items near Ternovka Village on the Left Bank of the Lower Dniester.	321
E. Schalk (<i>Berlin, Germany</i>). Die Doppelaxt aus der Toumba Agios Mamas, Prähistorischem Olynth	329
V.A. Dergaciov, E.N. Sava (<i>Kishinev, Moldova</i>). Investigations of Barrows near Taraclia Township in 1979	335
M.E. Tkachuk, D.A. Topal, E.Yu. Zverev (<i>Kishinev, Moldova</i>). Archaeological Field Surveys near Palanka Village: a New Classical Settlement on the Lower Dniester . . .	367
S.V. Kuzminykh (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A.N. Usachuk (<i>Donetsk, Ukraine</i>). “My dear friend Michail Markovich!” (Helsinki collection of the letters written by N.E. Makarenko to A.M. Talgren)	379
L. Nikolova (<i>Salt Lake City, Utah, USA</i>). Theory in Prehistory and Prehistory in Theory (Filling the Gaps)	429
A.I. Behr-Glinka (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Serpent as a Bride and an Intimate Partner of a Man. Once more about the semantics of serpent in European folk-lore . .	435
A.A. Romanchuk (<i>Kishinev, Moldova</i>). The East-Eurasian Hypothesis of Dene-Caucasian Motherland in the Light of Genogeographical Data: a Brief Synthesis	577
Abbreviations	599

СОДЕРЖАНИЕ

Tabula Gratulatoria	9
Введение	13
Список печатных трудов И. В. Манзуры	15
Фотоальбом	19
П. Бьяджи (Венеция, Италия), Э. Старнини (Турин, Италия). Происхождение и распространение позднемезолитических индустрий пластин и трапечей в Европе: пересмотр гипотезы Гр. Кларка 50 лет спустя	33
Т. Зайле (Регенсбург, Германия), С. Церна (Кишинёв, Молдова), М. Дембец, М. Посселт (Регенсбург, Германия). К интерпретации жилищных комплексов восточного ареала культуры линейно-ленточной керамики (новые материалы полевых исследований на территории Республики Молдова)	47
С. Кадров, А. Рауба-Буковска (Краков, Польша). Технология изготовления керамики и трансферт идей в неолите Западно-Карпатского региона	65
К.-Э. Урсу (Сучава, Румыния). Прекукутень — культура или хронологический горизонт?	73
Б. Говедарица (Берлин, Германия). Конфликт или сосуществование: степь и земледельцы в раннем медном веке Северо-Западного Причерноморья	81
Д. В. Киосак, Л. В. Субботин (Одесса, Украина). О технике скола пластин болгарского варианта культуры Гумельница	93
С. Ханзен (Берлин, Германия). Инновации и трансфер знаний в ранней металлургии западной Евразии	107
И. В. Бруяко (Одесса, Украина). Природный ландшафт поселения Картал в эпоху энеолита	121
Э. Кайзер (Берлин, Германия). Древнейшие курганы в Восточной и Юго-Восточной Европе.	133
Ю. Я. Рассамкин (Киев, Украина). Уникальный могильник эпохи энеолита на острове Хортица в районе Днепровских порогов (Украина): предварительные итоги изучения.	145
В. Николов (София, Болгария). Энеолитическая каменная крепость Провадия-Солницата	169
Н. Б. Бурдо, М. Ю. Видейко (Киев, Украина). «Погребенные дома» и ритуал сожжения поселений Кукутень-Триполья	175

Р. Хофманн (<i>Киль, Германия</i>), А. Дяченко (<i>Киев, Украина</i>), Й. Мюллер (<i>Киль, Германия</i>). Демографические тенденции и динамика социально-экономического развития в преистории: некоторые проблемы корреляции. . . .	193
С. Н. Кореневский (<i>Москва, Россия</i>). К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско-новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе . . .	199
В. М. Бикбаев (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Расписная амфора со сценами ритуальных танцев из позднетрипольского поселения у села Кирилень (район Сынжерей, Молдова).	227
О. Г. Левицкий, Г. В. Сырбу (<i>Кишинёв, Молдова</i>), И. Бажуряну (<i>Тринка, Молдова</i>). Микрозона Тринка в контексте восточно-карпатского энеолита	255
С. В. Иванова (<i>Одесса, Украина</i>). Курганы vs поселения: скотоводы vs земледельцы	273
Л. С. Клейн (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Проблема археологической идентификации тохаров	293
С. Д. Лысенко (<i>Киев, Украина</i>), С. Н. Разумов (<i>Тирасполь, Молдова</i>), С. С. Лысенко (<i>Киев, Украина</i>), В. С. Синика (<i>Тирасполь, Молдова</i>). Новые находки металлических изделий эпохи бронзы у с. Терновка на левобережье Нижнего Днестра.	321
Э. Шалк (<i>Берлин, Германия</i>). Двойной топор из Томба Агиос Мамас, преисторический Олинф.	329
В. А. Дергачев, Е. Н. Сава (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Исследования курганов возле поселка Тараклия в 1979 году	335
М. Е. Ткачук, Д. А. Топал, Е. Ю. Зверев (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Археологические разведки у с. Паланка: новое античное поселение на Нижнем Днестре.	367
С. В. Кузьминых (<i>Москва, Россия</i>), А. Н. Усачук (<i>Донецк, Украина</i>). «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!» (Хельсинкская коллекция писем Н. Е. Макаренко А. М. Тальгрону)	379
Л. Николова (<i>Солт-Лейк-Сити, Юта, США</i>). Теория в преистории и преистория в теории (заполняя пробелы)	429
А. И. Бер-Глинка (<i>Москва, Россия</i>). Змея как сексуальный и брачный партнер человека. (Еще раз о семантике образа змеи в фольклорной традиции европейских народов).	435
А. А. Романчук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Восточноевразийская гипотеза дене-кавказской прародины в свете данных геногеографии: попытка синтеза . .	577
Список сокращений.	599

С. Н. Корневский

К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско-новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе

Keywords: North Caucasus, Copper-Bronze Age, Eneolithic, Maykop culture, Novosvobodnaya culture, migration, ceramics, beaker, typology, ornament, glossing

Ключевые слова: Северный Кавказ, медно-бронзовый век, энеолит, майкопская культура, новосвободненская культура, миграция, керамика, кубок, типология, орнамент, лощение

S. N. Korenevskiy

On Beakers and Amphora Type Vessels of the Maykop-Novosvobodnaya Community and the Problem of their Analogies in the West

The article defines typology of small Maikop-Novosvobodnaya community vessels, which are commonly known in archaeological literature as beakers and tulip-shaped vessels. There is a perception that these forms are similar to the vessels of the funnel beaker cultures, and reflect the migration of the latter tribes to the Ciscaucasia, which enabled the formation of Novosvobodnaya group of sites. The article presents a typological analysis of the Western Caucasus beakers and an overview of the forms of goblets of Trichtenbecher culture published by R. Kossian (2005). The author concludes about almost complete absence of typical ornamented Trichtenbecher beakers in Western Ciscaucasia. This outcome of the benchmarking analysis does not enable treating the carriers of the funnel beaker cultures as initiators of the formation of spiritual and material culture of the Novosvobodnaya community tribes in the piedmont Adygea.

С. Н. Корневский

К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско-новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе

Статья посвящена определению типологии сосудов небольших объемов майкопско-новосвободненской общности, которые в литературе получили название «кубки» и «тюльпановидные сосуды». Существует мнение, что эти формы аналогичны сосудам культур воронковидных кубков и отражают миграцию их носителей в Предкавказье, которая дала толчок к формированию новосвободненской группы памятников. В статье проводится типологический анализ кубков западного Предкавказья и их сравнение с формами кубков культуры Трихтенбекер, опубликованных в работе Р. Коссиана (2005). В итоге делается вывод о практически полном отсутствии типичных орнаментированных кубков культуры Трихтенбекер в Западном Предкавказье. Такой результат сопоставления не позволяет рассматривать носителей культур воронковидных кубков как инициаторов формирования духовной и материальной культуры племен новосвободненской группы в предгорной Адыгее.

Керамический фонд майкопско-новосвободненской общности (МНО) чрезвычайно богат. В его ассортимент входят огромные пифосы, чаны ёмкостью в несколько ведер, менее крупные миски, плошки, напоминающие наши тарелки, сосуды средних и малых размеров с округлым и плоским дном, а также двуручные и трехручные горшки; категория одноручной кружки не характерна. Встречаются также различные металлические сосуды. Среди них известно даже настоящее ведро, сделанное из меди. Но основную часть посуды из металлов (золото, серебро, медь) со-

ставляют кубки, котлы и миски (Корневский 2004: 22—35).

В настоящей статье будут рассмотрены несколько своеобразных закрытых форм небольших размеров, которые в ряде публикаций называются кубками, амфорами, тюльпановидными сосудами. Одни из них похожи на современные кринки. Такая керамика многочисленна на поселениях и в погребениях МНО, особенно в западном Предкавказье. Поэтому внимание к ней определено необходимостью анализа такой посуды как массового археологическо-

The work was prepared with support of the grant of the Russian Foundation for Humanities No. 14-01-00005a ■ Работа подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 14-01-00005a.

© С. Н. Корневский, 2016.

го источника. Интересно также рассмотреть и саму роль сосудов малых объемов, которые часто связывают с обобщающим названием «кубок» в ритуалах древнего населения Кавказа и Ближнего Востока.

Горшки, кубки и тюльпановидные сосуды-горшки. Применительно к керамике в русском языке используются несколько устоявшихся понятий, объединенных под общим термином «сосуд». Одно из них — горшок. В.И. Даль отмечает, что горшки — это глиняные обожженные сосуды различной формы в виде репки или имеющие сужающиеся ко дну тулово (шаровидно-грушевидное тулово с плоским дном, по нашей терминологии). Высокогорлые горшки для молока называются кринками. Горшок — это посуда многоцелевого назначения, рассчитанная на приготовление пищи и хранение запасов (Даль 1989: 382, 383).

Кубок, согласно А.И. Далю, — это сосуд небольшой ёмкости для индивидуального пользования. Их него пьют, но в нем ничего не готовят. Таковы стакан, рюмка, чаша, стопа, кубышка — узкогорлая посуда с раздутыми боками, бутылка, фляга. Прилагательное «кубоватый» означает «раздутый по бокам, бочковатый» (Даль 1989, II: 210). В целом, судя по приведенным примерам, особо точного определения формы «кубка» нет. Корневая основа этого слова — праславянская (Фасмер 1986) и, видимо, очень древняя, возможно даже индоевропейская.

Дно у кубков рассматриваемых вариантов МНО округлое, округло-уплощенное или плоское. Кубки от горшков отличаются относительно небольшие размеры. Вопрос — какие? Для конкретизации наших рассуждений рассмотрим набор посуды Майкопского кургана. В нем, наряду с сосудами средних и крупных размеров, хорошо представлены сосуды малого объема для индивидуального пользования (рис. 1; 2).

Кубки, найденные в погребениях Майкопского кургана, изготовлены из золота и серебра. Некоторые формы имеют высокое, даже трубчатое горло¹ (рис. 1: 2, 3, 4). Отгиб венчика может быть оформлен по-разному. Кубки Майкопского кургана имеют аналогии в Старомышастовском кладе (рис. 1: 7). Они известны в раннем, галюгаевско-серегинском варианте МНО, например, на Галюгаевском

поселении (рис. 3: 1, 2) и в близком ему псекупском варианте (рис. 3: 5, 6, 7, 8).

Сильно расширенный венчик, в диаметре устья достигающий диаметра тулова или превосходящий его, можно назвать «тюльпановидным». В Майкопском кургане есть лишь один такой плоскодонный горшок с тюльпановидным венчиком, достаточно крупных размеров (рис. 2: 9).

Для определения объемов сосудов Майкопского кургана прибегнем к несложным вычислениям. Они основываются на том, что тулова сосудов закрытых форм рассматриваемого комплекса напоминают шар (рис. 1: 8), яйцевидный эллипс (рис. 2: 8) или сложную фигуру в виде сдвоенной трапеции (рис. 2: 9).

Объем шара можно вычислить по формуле $V = \frac{4}{3} \pi R^3$. Объем эллипса также имеет формулу $V = \frac{4}{3} \pi abc$, где a , b , c — длины полуосей эллипсоида. Приблизительно объем яйцевидного эллипса может быть вычислен вторым способом по пропорции увеличения объема обычного яйца. Отношение тут такое. Яйцо высотой 65 мм имеет объем вытесненной жидкости 60 мл. Яйцо высотой 50 мм имеет объем вытесненной жидкости 50 мл. (Установлено экспериментально). Увеличение объема правильного или яйцевидного эллипса геометрически прямо пропорционально в зависимости от размеров длинной оси фигуры.

Объем содержимого плоскодонного горшка можно приблизительно посчитать по формуле объема цилиндра, но с усреднением горизонтальных радиусов. Эта формула такова: $V = \pi R^2 h$ или $V = \frac{1}{4} \pi D^2 h$, где D — диаметр, R — усредненный радиус трех диаметров горшка (a — верхнего у горла, b — среднего в места максимального расширения тулова, c — нижнего, дна), h — высота тулова горшка. Наши не лишённые условности измерения представлены в таблице (табл. 1).

Очень интересны сосуды с высоким горлом. Один из них найден в основном погребении 10/2 кургана Чернышёв, сооруженном на дневной поверхности на галечной выкладке вместе с бесчеренковым кинжалом раннемайкопского типа (рис. 3: 13). Второй обнаружен во впускном захоронении (рис. 3: 12) (Бианки, Днепровский 1988: 72). Аналогично упомянутым высокогорлым сосудам возможно увидеть в кубке из Новосвободненского поселения (рис. 3: 14) (объем 175 мл). На этом памятнике такой кубок — единичная находка.

Среди комплексов псекупского варианта вблизи Черного моря также встречены кубки с высоким горлом, открытые в Натухаевском могильнике (раскопки А.В. Шишлова)

¹ Трубчатое горло имеет отношение высоты к радиусу окружности не менее чем 1,2—1,5:1 или более.

Расчет объема сосудов Майкопского кургана *

Таблица 1.

№ рис.	h1	h2	R	R ³	4/3 π	V	Материал	Памятник
1: 1	96	64	32	32768	4,18	136	Ag	Майкопский к.
1: 2	102	65	32.5	34328	4,18	143	Ag	Майкопский к.
1: 3	199	126		я	4,18	116	Ag	Майкопский к.
1: 4а	139	78		я	4,18	72	Au	Майкопский к.
1: 4б	139	78		яф	4,18	71	Au	Майкопский к.
1: 5	128	71	35	42875	4,18	179	Ag	Майкопский к.
1: 6	195	31	65	274625	4,18	1147	Ag	Майкопский к.
1: 7	81	60	30	269730	4,18	112	Ag	Старомышастовский клад
1: 8	134	130	65	274625	4,18	1147	Ag	Майкопский к.
2: 1	75	70	35	42875	4,18	179	Глина	Майкопский к.
2: 2	150	140	70	34300	4,18	1433	Глина	Майкопский к.
2: 3	175	150	75	42187	4,18	1763	Глина	Майкопский к.
2: 4	175	165	82	551368	4,18	2304	Глина	Майкопский к.
2: 5	175	165	82	551368	4,18	2304	Глина	Майкопский к.
2: 6	200	185	92	778688	4,18	3254	Глина	Майкопский к.
2: 7	215	185	92	778688	4,18	3254	Глина	Майкопский к.
2: 8а	525	475		я	4,18	43000	Глина	Майкопский к.
2: 8б	525	475		яф	4,18	30—38 л	Глина	Майкопский к.

№ рис.	h1	h2	a	b	c	Dcp	D ²	V	Материал	Памятник
2: 9	200	165	165	220	70	151	22801	2382	Глина	Майкопский к.

* Примечание. Формула шара и эллипса (рис. 1: 1—8; 2: 1—8): формула объема шара $V=\frac{4}{3}\pi R^3$ и формула объема эллипса $V=\frac{4}{3}\pi abc$, где R — радиус (мм), R³ — радиус в кубе, округленное значение, $\frac{4}{3}\pi$ — часть формулы вычисления объема шара, V — объем (мл), яф — считается по формуле яйцевидного эллипса, я — или по упрощенной пропорции объема яйцевидного эллипса. Ошибка может составлять до 10%. Формула цилиндра (рис. 2: 9): $V = \pi R^2 h$ или $V=\frac{1}{4}\pi D^2 h$; h1 — высота сосуда (мм), h2 — высота тулова (мм), a, b, c — три диаметра тулова (a — у горла, b — максимальный, c — по дну), Dcp — среднее арифметическое значение трех диаметров, V — объем (мл).

в 2004 г. в п. 4 в межкурганном пространстве (рис. 3: 6, 7, 9) и в 2008 г. в к. 4, п. 1 (рис. 3: 8) (Шишлов 2012; Шишлов и др. 2010) В состав этих комплексов входили кубки очень близкой конфигурации, а также крупные сосуды с уплощенным туловом псекупского варианта (рис. 3; 10; 11).

В погребении новосвободненской группы 3 у ст. Костромской, к. 1 (раскопки В.Р. Эрлиха) (рис. 4) найден кубок (рис. 4: 1), явно имеющий аналогию среди посуды Галюгаевского поселения на Тереке².

Анализ посуды Майкопского кургана приводит нас к следующим выводам. В упомянутом выше комплексе представлена посуда закрытых форм разных размеров. В том числе малых форм с емкостью до 200 мл, т.е. не более размера современной кружки. К таким же малым формам можно отнести стакановидный серебряный сосуд с золотыми ушками,

золотую и серебряные миски, миску в виде среза шара из серебра.

Вдоль восточной стенки главного южного отсека Майкопского кургана, в котором находился лидер (вождь? жрица?) (Кореневский 2012), были в ряд расставлены сосуды из благородных металлов малых форм. Они имеют объемы 136, 143, 116, 72 (золотой), 179 мл. Среди них только один сосуд шаровидной формы из серебра достигает емкости более 1,1 литра с объемом тулова 1,147 см³ (рис. 1: 8).

Вдоль западной стенки южного отсека были поставлены керамические горшки в основном средних размеров, от 1453 до 3254 мл (рис. 2: 2—7, 9), и лишь один великолепно сделанный черного лощения шаровидный горшок с объемом малых размеров (179 мл) (рис. 2: 1) .

В восточном отсеке с погребением первой служанки (ассистентки жрицы) находились медные сосуды. Из них представлено ведро с дужкой объемом 2,4 л, бронзовый котел объемом около 9 л. Другие сосуды зафиксированы в обломках.

² Кубок Галюгаевского поселения относится к 1 классу майкопской керамики. К сожалению, не имею возможности сопоставить технологию изготовления этих сосудов.

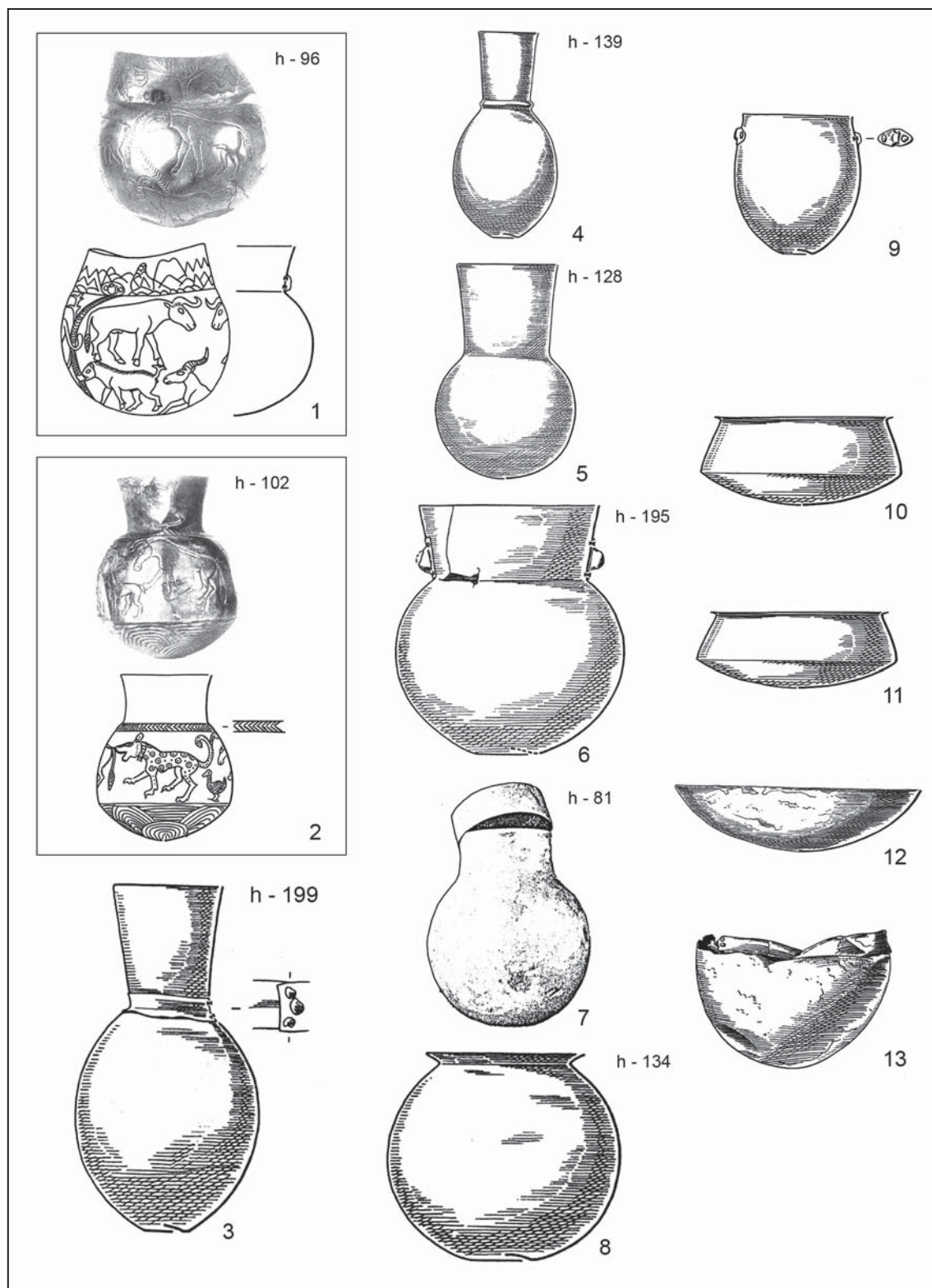

Fig. 1. Metal vessels of Maikop kurgan and Staromyshastovsky hoard. 1-6, 8-12 southern sector of the burial; 13 — eastern sector of the burial; 7 — Staromyshastovsky hoard. 1-3, 5-10, 12 — silver (electrum?); 4, 11 — gold; 13 — copper; h — height of vessel (mm).

Рис. 1. Сосуды из металла Майкопского кургана и Старомышастовского клада. 1—6, 8—12 — южный отсек погребения; 13 — восточный отсек погребения; 7 — Старомышастовский клад. 1—3, 5—10, 12 — серебро (электр?); 4, 11 — золото; 13 — медь; h — высота сосуда (мм) (по Пиотровский 1996).

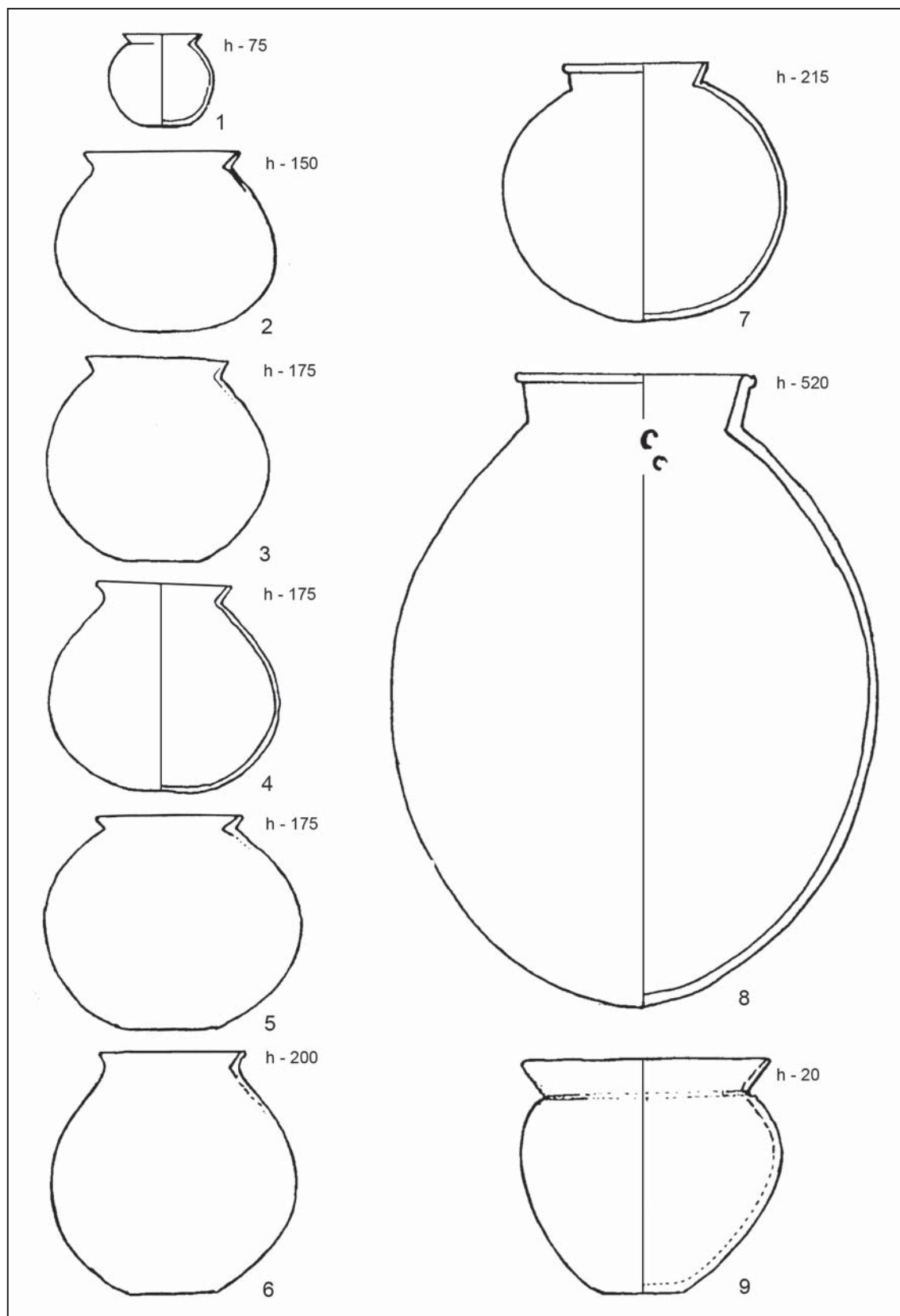

Fig. 2. Ceramic vessels from the Maikop Kurgan (drawings by the author). 1-7, 9 — southern section; 8 — western section; h — height of vessel (mm).

Рис. 2. Керамические сосуды из Майкопского кургана (рисунки автора). 1—7, 9 — южный отсек; 8 — западный отсек; h — высота сосуда (мм).

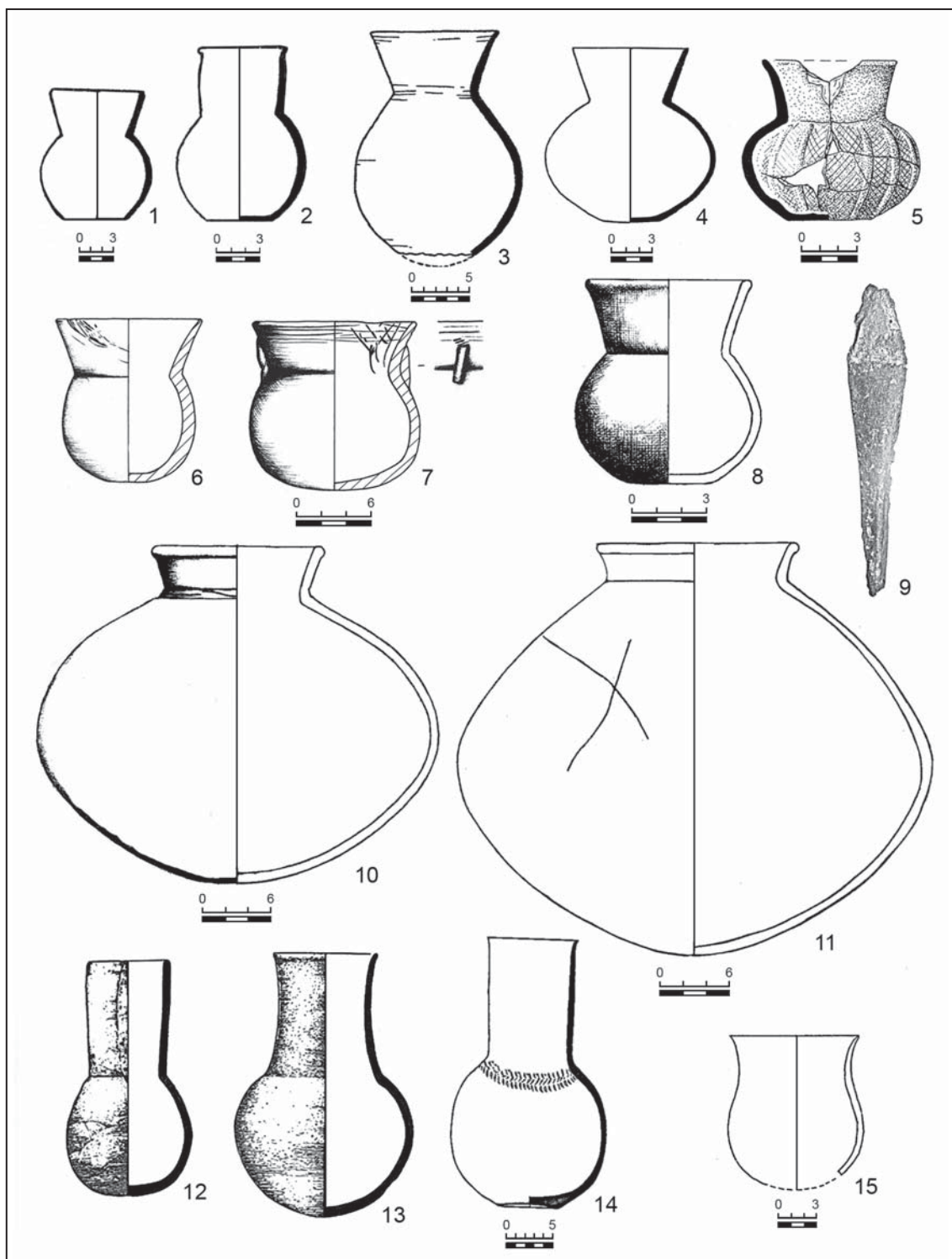

Fig. 3. Beakers and complexes. 1, 2 — Gulyaevskoye settlement; 3, 4 — Beyuk Kesik settlement; 5 — Kudakhurt, kurgan 1, burial 1; 6, 7, 9 — Natuhaevsky kurgan 2004, burial 4 in between kurgans; 8, 10, 11 — Natuhaevsky burial ground, 2008, kurgan 4, burial 1; 12, 13 — Chernyshev, kurgan 10, burial 1 and burial 2 (the main one); 4 — Novosvobodnensko settlement; 15 — Kudakhurt, from the pit (after: 1, 2 — Кореневский 1995; 3, 4 — Мусейбли 2007; 5 — Кореневский и др. 2008; 6—11 — Шишлов, Федоренко 2008; Шишлов и др. 2009; 12, 13 — Бианки, Днепровский 1988; 14 — Резепкин 2012).

Рис. 3. Кубки и комплексы. 1, 2 — Галюгаевское поселение; 3, 4 — пос. Бейук кесик; 5 — Кудакхурт, к. 1, п. 1; 6, 7, 9 — Натухаевский курган 2004 г., п. 4 в межкурганном пространстве; 8, 10, 11 — Натухаевский могильник 2008 г., к. 4, п. 1; 12, 13 — Чернышёв, к. 10, п. 1 и п. 2 (основное); 4 — пос. Новосвободненское; 15 — Кудакхурт, из ямы (1, 2 — по Кореневский 1995; 3, 4 — по Мусейбли 2007; 5 — по Кореневский и др. 2008; 6—11 — по Шишлов, Федоренко 2008; Шишлов и др. 2009; 12, 13 — по Бианки, Днепровский 1988; 14 — по Резепкин 2012).

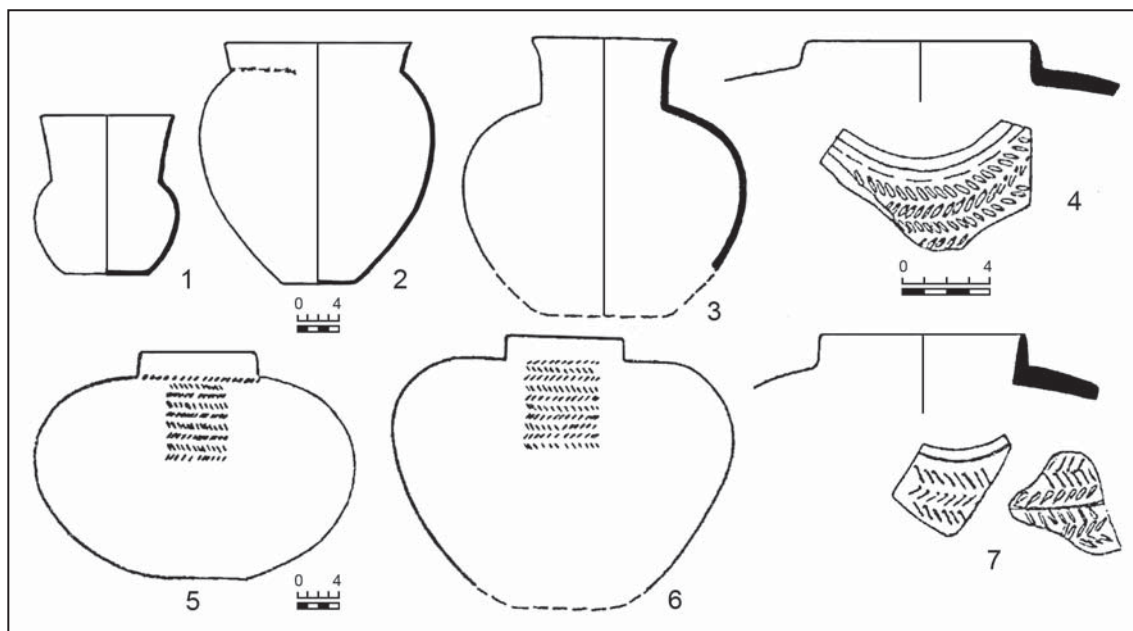

Fig. 4. Ceramics from the kurgan near Kostromskaya settlement, excavations by V. R. Ehrlich, complex of the Novosvobodnenskaya group (after Днепровский, Кореневский, Эрлих 1995).

Рис. 4. Керамика из кургана у ст. Костромской, раскопки В.Р. Эрлиха, комплекс новосвободненской группы (по Днепровский, Кореневский, Эрлих 1995).

В западном отсеке с погребением второй служанки в углу стоял пифос объемом около 30—38 л (рис. 2: 8)³.

Эти данные показывают, что расстановка посуды внутри погребения Майкопского кургана явно отражает особое выделение кубков из благородных металлов и мисок малых форм как посуды для каких-то особых целей использования.

Скорее всего, такое использование могло предполагать церемонию пира в кругу богов или предков. Где мог происходить этот пир? Обратим внимание на то, что в наборе драгоценной посуды присутствуют два кубка с изображениями Древа Жизни и шестий к нему животных. Для нас это может быть аргументом в пользу того, что у майкопской элиты пир «в стране без возврата» мог происходить в волшебном мире, где в горах растет Древо Жизни и обитают священные духи (боги? предки?) в облике могучих зверей и птиц.

Функциональное значение кубка или чаши с напитком как сосуда для различных культовых церемоний и пира в мире богов находит

подтверждение в археологических материалах более позднего времени — в погребальных обрядах Урского некрополя и кавказских погребениях военных вождей конца III — начала II тыс. до н.э.

Так, согласно традициям шумеров, их покойные знатного ранга укладывались в могилу на бок скорчено. В руки им вкладывалась чаша. Этот обряд предполагал, что в потустороннем мире шумерская знать присоединялась к пиру богам, которые, сидя на тронах, пьют священный напиток (Woolley 1934).

Сцены с распитием священного напитка изображены на кубках из Триалети (Куфтин 1941: 418, 419, табл. ХСІ; ХСІІ) и Карашамба (Оганесян 1988). На триалетском кубке передана процессия людей с волчьими хвостами, которые держат в руках кубки. Они идут на пир к вождю, сидящему с кубком на троне. Позади трона возвышается Древо Жизни. Это указывает, что пир происходит в той стране, где растет это священное дерево.

На кубке из Карашамба переданы картины сражения местного масштаба, поражения воинов с волчьими хвостами, их казни вождем-победителем. Сцена пира иллюстрирована с похожими атрибутами, процессией с подношениями, жертвами животных, алтарем, тронном с сидящим лидером, который держит в руках кубок.

Но вернемся к теме археологической типологии сосудов. На основании анализа форм

³ На оттисках печатей III тыс. до н.э. (например, из Суз) (Frankfort 1939: 233, fig. 71) можно увидеть лидера — богиню, которой прислуживают служанки. Поэтому мы проецируем такую ситуацию на комплекс Майкопского кургана, где явно погребен(а) лидер (жрица) в сопровождении двух знатных особ (дам?) менее высокого социального ранга.

Майкопского кургана мы можем прийти к выводу, что сосуды с ёмкостью до 200 мл или даже до 1,2 л могут представлять посуду персонального использования и быть обозначены как сосуды индивидуального употребления. Одна из функций такого сосуда явно связана с использованием его в церемониальном пире на земле или в стране вечного покоя. Формы такой ритуальной посуды могли быть разными: закрытыми, открытыми, в виде чаш. В целом к ним возможно применить название «индивидуальный кубок» с конкретным описанием его типологических особенностей.

Посуда больших емкостей — от 1,2 до 3—4 л, по данным Майкопского кургана, может рассматриваться как горшки для различного использования, не только как тара для участия в пире или как персональный сосуд для его участника. Такие сосуды можно назвать сосудами многоцелевого предназначения для объема средних емкостей.

Сосуды более крупных размеров — от 5 до 9 и даже до 40 л могут быть названы посудой больших емкостей.

Изучение посуды закрытых форм МНО малых и средних объемов, к которым применялись названия «кубки» и «тюльпановидные» горшки, имеет многолетнюю историографию. В литературе этим формам керамики порой придается особое значение, как указателям на происхождение носителей новосвободненской группы памятников под влиянием культуры воронковидных кубков, а также показателям «гибридности» комплексов (Резепкин 1989; 1991: 189—196; 1991а: 72—77; 2000: 26—30; 2004: 431; 2008; 2012: 101—106). Однако, чтобы согласиться или не согласиться с таким тезисом, рассмотрим вначале типологические особенности данной категории малых и средних по объему сосудов Западного Предкавказья.

Особо тема их типологии уже была затронута при сравнительном анализе находок на Галюгаевском поселении на Тереке и на Серегинском поселении в Закубанье в 1996 году (Днепровский, Кореневский 1996: 4—13). Авторами были рассмотрены небольшие сосудики, за которыми археологический сленг экспедиций закрепил образное название «тюльпановидных» горшков, то есть сосуды, имеющие отогнутый наружу невысокий, короткий венчик с S-видным отгибом или отгибом под углом с ощутимым ребром на внутренней поверхности сосуда. Диаметр их венчика близок к диаметру тулова. На поселении такие сосуды были представлены в основном разбитыми экземплярами. Многие из упомянутых выше сосудов были изготовлены из те-

ста с искусственными минеральными примесями и, скорее всего, связаны с ручной лепкой.

Типология тюльпановидных сосудов в 1996 году представлялась таким образом. Была отмечена группа керамики с остроорельефным переходом от тулова к горлу. Сосуды этой группы имеют бороздку под венчиком. Высота горла у них неодинакова. Она определяется отношением высоты этой части сосуда к радиусу окружности горловины и бывает большой (вариант Т-1) или малой (вариант Т-1а). Малая высота соответствует значениям 0,3—0,4, большая — 0,5—0,6 и более, вплоть до 1 (Днепровский, Кореневский 1996).

Самым искусно сделанным горшочком-тюльпанчиком является сосуд из погребения 1/10 могильника Уашхиту (рис 5: 6). Сосуд обладает строгой симметрией, остроорельефно отогнутым венчиком, лощеной внешней поверхностью и орнаментальным поясом по середине тулова. Орнамент нанесен лощеной косой сеткой.

Сходство между тюльпановидными сосудиками Прикубанья и посудой культуры воронковидных кубков объяснялось авторами в этой работе за счет простоты сравниваемых форм и схожих приемов конструирования. Так, например, при изготовлении небольшого сосуда с приставным горлом у него появляется резкий переход от тулова к венчику, что приводит к внешней похожести горшочков.

В 2004 году А.Д. Резепкин опубликовал первые данные о своих раскопках на поселениях Чишхо и Пхегуапе. На них были в большом количестве найдены тюльпановидные сосуды, или кубки, по его терминологии. Они имели как округлое, так и плоское дно (Резепкин 2004: 422—436). А.Д. Резепкин возражал против названия рассматриваемой посуды «тюльпановидными горшочками» на том основании, что в западной литературе за ними уже давно закрепился термин «кубок», и размеры их не столь велики, чтобы называть их горшками⁴. Согласно А.Д. Резепкину, их формы даже не ассоциируются с контурами тюльпана (Резепкин 2004: 431).

В этих рассуждениях далеко не все бесспорно. Так, понятие сосуд — более широкое, чем кубок, (который тоже является сосудом). Ассоциация с тюльпаном для рассматриваемых форм горшочков — дело вкуса. Однако главное не в словесных упражнениях относительно наименования выделенных

⁴ В этой связи необходимо отметить, что в работе А.Д. Резепкина нет упоминания, какие же размеры имеет в его понимании «горшок».

форм, а в их конкретной типологии и анализе признаков как в сравнении с другими сосудами, так и при описании самого сосуда-тюльпанчика.

В 2004 году была опубликована общая типология керамики майкопско-новосвободненской общности (Кореневский 2004). В ней тюльпановидные сосуды были подразделены на четыре группы (Кореневский 2004: 171). Группа ЛТ-1а включала сосуды без ручек нешаровидно-грушевидной формы с низким горлом и острорельефным отгибом венчика. Группа ЛТ-1б — сосуды с высоким горлом и острорельефным отгибом венчика. Группа ЛТ-2 — сосуды без ручек нешаровидно-грушевидной формы с низким горлом и S-видным венчиком тюльпановидной формы, то есть с диаметром венчика большим диаметра тулова или равным ему. Группа ЛТ-3 — сосуды без ручек нешаровидно-грушевидной формы с прямым или загнутым вовнутрь верхним краем. Группа ЛТ-4⁵ — сосуды без ручек нешаровидно-грушевидной формы с плоским дном и прямым венчиком. Признаками тюльпановидных сосудов обладают также более крупные горшки, которые были выделены в особую группу.

Тулово тюльпановидных сосудов могло быть округлым или колоколовидным, сужающимся книзу (рис. 5: 1, 14, 15), с плоским и округлым дном (рис. 5: 8, 9, 10).

Суммируя наши представления о кубках и тюльпановидных сосудах майкопско-новосвободненской общности, можно прийти к выводу о том, что в основном это небольшие сосуды с горлом разной высоты. Для них очень показательны пропорции диаметра устья и диаметра тулова. Они нередко бывают равны. Или даже диаметр устья превышает диаметр тулова.

В комплексах погребений долинского варианта МНО в Центральном Предкавказье тюльпановидных сосудов малых размеров, объемом до 1 л, практически нет. Небольшие плоскодонные горшочки долинского варианта МНО обладают колоколовидной сужающейся ко дну формой и слабым отгибом венчика наружу и могут рассматриваться как сосуды открытых форм (Кореневский 1993: 151, рис. 45: 1—4). Они напоминают редкую находку для Прикубанья и могильника Клады (рис. 6—9) из комплекса 11HD/14 (рис. 7: 10). На примерах МНО кубки и тюльпановидные сосуды не имеют ручек.

Основная зона распространения плоскодонных форм тюльпановидных горшков закрытых форм связана с Западным Предкавказьем. Они в массовом количестве зафиксированы на Серегинском поселении галюгаевско-серегинского варианта МНО. Здесь они придают ему особое своеобразие, которое уже было обозначено мной ранее как локальный среднекубанский подвариант галюгаевско-серегинского варианта (Кореневский 2004: 50) (рис. 5: 1—5, 14, 15).

Далее, такие сосуды найдены на поселении псекупского варианта Чекон 2 (Бочковой и др. 2013: 6, рис. 2), на поселении Чишхо (Резепкин 2004: 424—425, рис. 2: 1—5; 3: 7), в погребениях могильников Уашхиту (рис. 5: 6, 12, 13), Уляп (рис. 5: 7, 10), у ст. Чернойрской (рис. 5: 9), на могильнике Общественное, которые также возможно отнести к псекупскому варианту МНО (Кореневский 2004: 53—54).

Тюльпановидные горшки небольших размеров в большом количестве представлены в погребениях могильника Клады. Они есть в могилах его раннего периода (рис. 6: 1—12, 14; 8), в которых встречаются также сосуды псекупского варианта (рис. 6: 15—18, 20) и даже конус с грибовидной шляпкой, типичный для его памятников (Клады 25/8) (Rezepkin 2000: Taf. 56: 2).

Среди форм тюльпановидных сосудов могильника Клады можно различать горшочки с округлым дном (рис. 7: 1, 2), с плоским дном и высоким горлом наподобие кринок (рис. 7: 3, 4). Некоторые редкие формы сосудов из урочища Клады отличаются индивидуальными признаками: высоким горлом-раструбом (рис. 7: 5) или высоким сужающимся к устью горлом (рис. 7: 6). Есть и другие редкие формы — загнутым внутрь венчиком или очень низким венчиком и колоколовидным туловом (рис. 7: 9, 10).

Горшки небольших размеров в ограниченном количестве также найдены в погребениях «позднего горизонта» новосвободненской группы с ее характерными диагностическими формами посуды, украшенной типичным для нее ёлочным орнаментом. Они мало чем отличаются от тюльпановидных форм сосудов раннего периода рассматриваемого могильника (рис. 9: 1—7).

Два горшочка известны из погребений 18 и 19 кургана 2 у ст. Новокорсунской (Кондрашов, Резепкин 1988: 94, рис. 2: 8, 15). (рис. 9: 8, 9). Погребение 18 часто упоминается в литературе в связи с тем, что в нем найдены остатки деревянной конструкции, которую интерпретируют как колесо. Реконструируемый сосуд из этого комплекса никакими особо ран-

⁵ То есть крупные сосуды могут иметь такую же конфигурацию, как мелкие горшочки-тюльпаны.

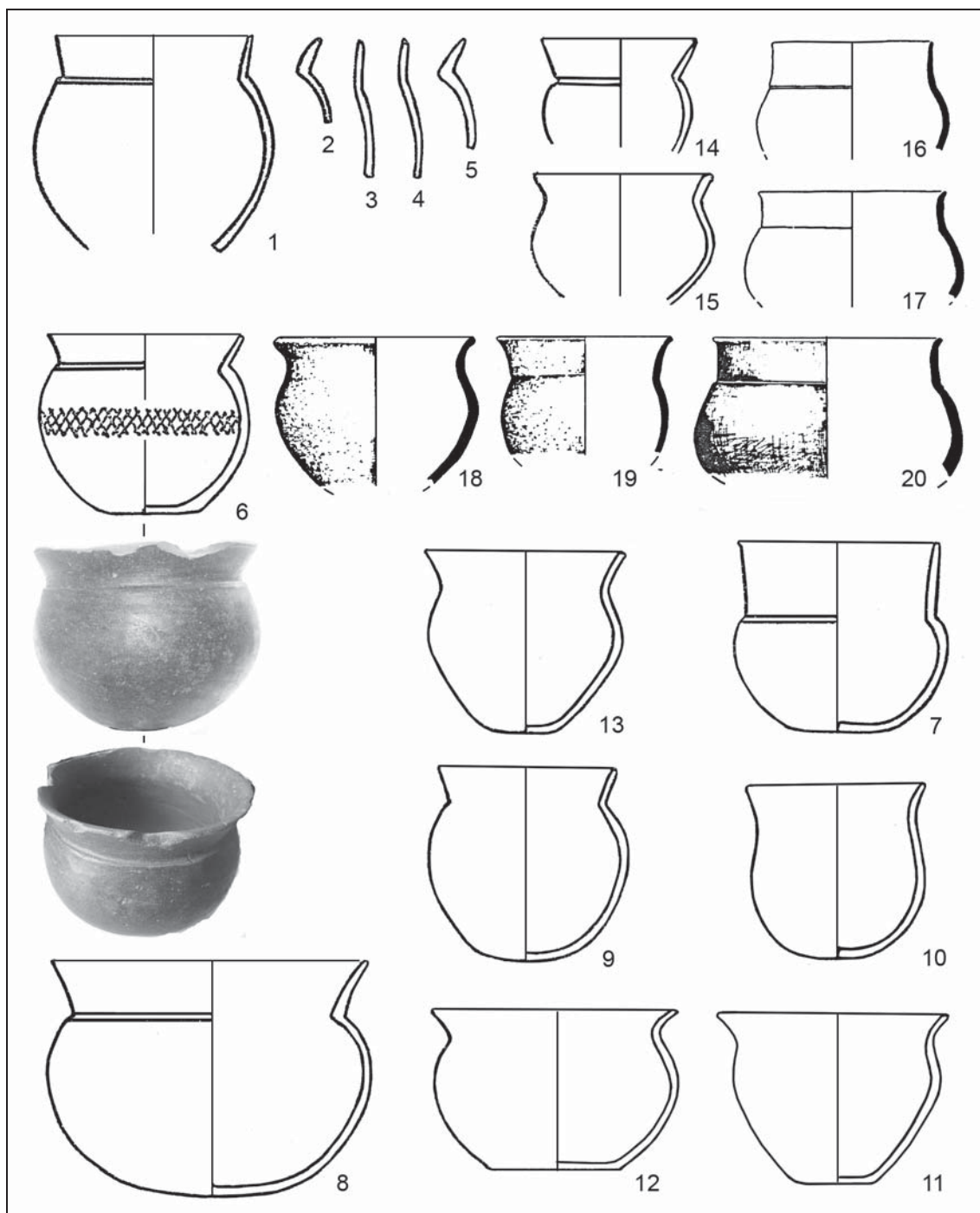

Fig. 5. Tulip-shaped pots of the Western Ciscaucasia. 1-5, 14-20 — Seryoginskoe settlement; 6, 12, 13 — Uashkhitu 1/10, 1/13, 1/7; 7, 10 — Ulyap 17/20, 17/21; 8, 11 Chishkho, settlement; 9 — Chernoyarskaya, burial 3 (after Днепровский, Кореневский 1996).

Рис. 5. Тюльпановидные горшки западного Предкавказья. 1—5, 14—20 — Серегинское поселение; 6, 12, 13 — Уашхиту 1/10, 1/13, 1/7; 7, 10 — Уляп 17/20, 17/21; 8, 11 — Чишхо, поселение; 9 — Черноярская, п. 3 (по Днепровский, Кореневский 1996).

ними признаками новосвободненских горшков не обладает (рис. 9: 8).

Хронология плоскодонных горшочков с высоким горлом, один из которых найден в насыпи кургана 2 у ст. Новокорсунской (рис. 7: 8), не вполне определена в рамках

общей хронологии сосудов такой «кубковой» конфигурации. Поэтому нет оснований рассматривать погребение 18 как особо ранний комплекс в рамках хронологии МНО.

На Новосвободненском поселении были встречены обломки сосудов, которые воз-

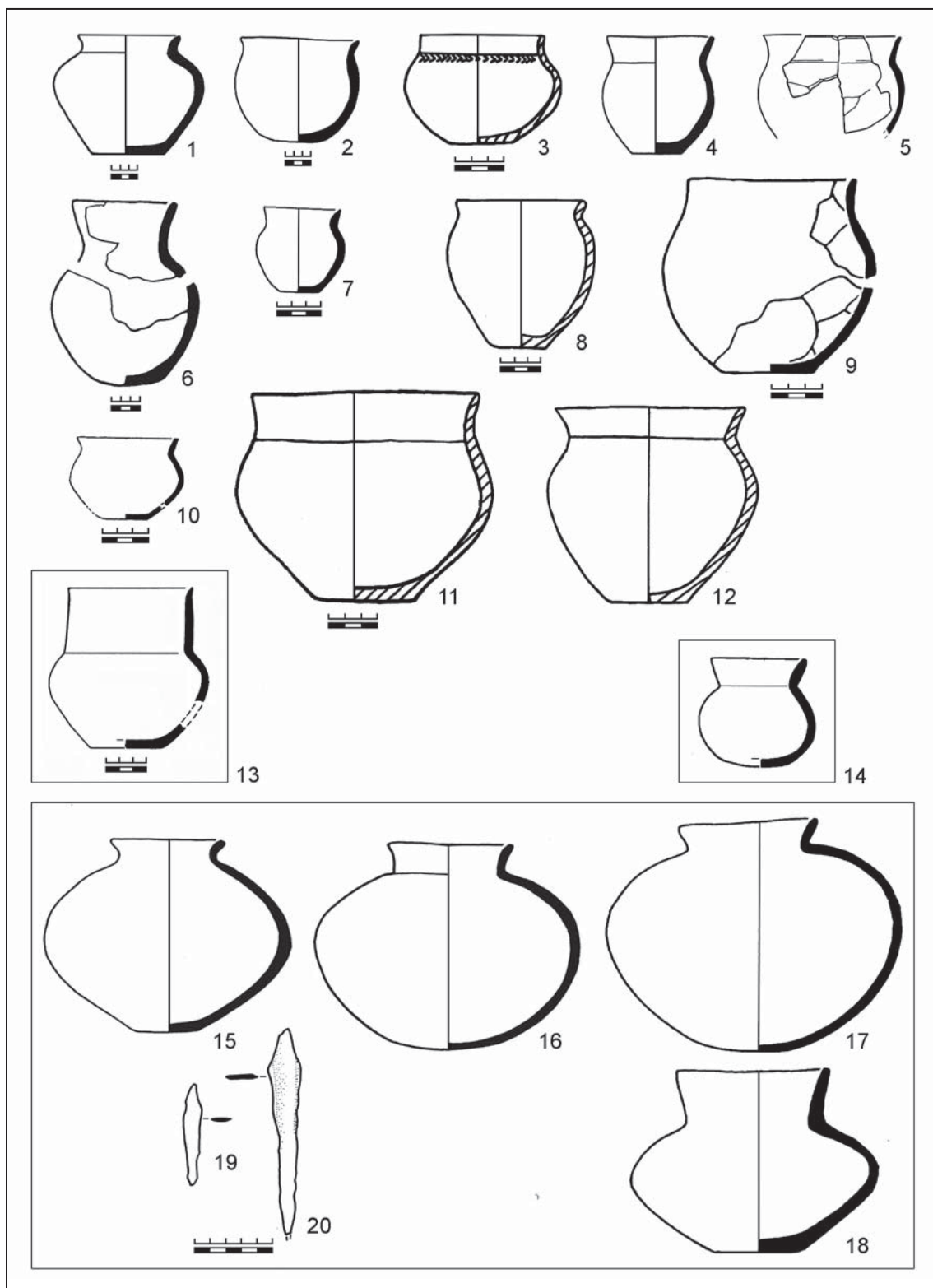

Fig. 6. Vessels of different forms from the Klady cemetery (early period after A. D. Rezepkin). 1 — 23/1; 2, 15 — 25/12; 3 — 11/12; 4-6, 16 — 24/6; 7 — 23/2; 8, 12 — 11/10; 9-25/3; 10 — 11/2; 11 — 11/12; 13 — 34/1; 14 — 25/6; 17 — 25/5; 18, 19 — 23/1; 20 — 25/2 (note: 15, 16, 18 — vessels of characteristic shapes for the Psekupskiy variant; 19, 20 — bronze daggers) (after Резепкин 2012, catalogue).

Рис. 6. Сосуды разных форм могильника Клады (ранний период по А.Д. Резепкину). 1 — 23/1; 2, 15 — 25/12; 3 — 11/12; 4-6, 16 — 24/6; 7 — 23/2; 8, 12 — 11/10; 9-25/3; 10 — 11/2; 11 — 11/12; 13 — 34/1; 14 — 25/6; 17 — 25/5; 18, 19 — 23/1; 20 — 25/2 (примечание: 15, 16, 18 — сосуды характерных форм для псекупского варианта; 19, 20 — бронзовые кинжалы) (по Резепкин 2012, каталог иллюстраций).

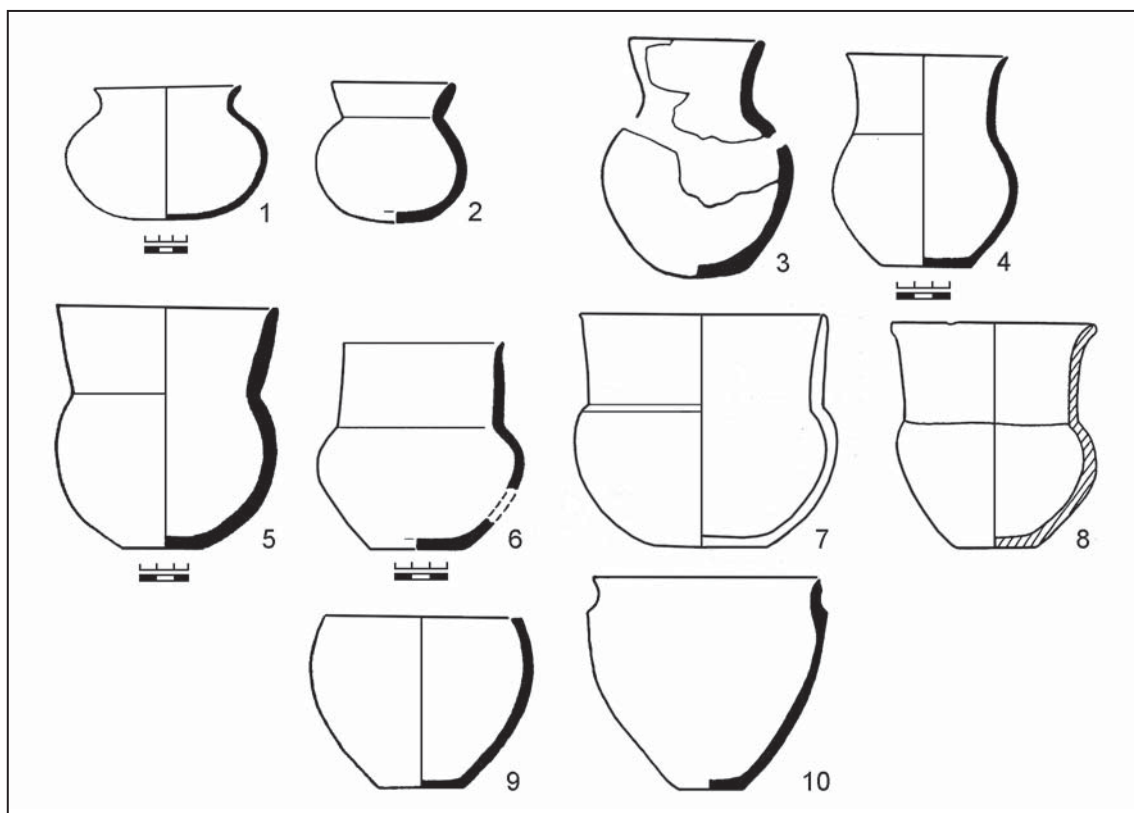

Fig. 7. Tulip-shaped pots of different shapes: 1, 2 — a round bottom and a low rim; 3, 4 — so called krinki; 5–8 — with a high neck and a flat bottom; 9, 10 — vessels of individual forms with a low rim (early period of the cemetery). 1–6, 9, 10 — Kladly cemetery (1 — 11/43; 2 — 25/6; 3 — 24/6; 4 — 11D/4; 5 — 11/45; 6 — 34/1; 9 — 11/31; 10 — 11D/14); 7 — Ulyap 17/20; 8 — Novokorsunskaya, kurgan, embankment (1–6, 8–11 — after Резепкин 2012; 7 — after Днепровский, Кореневский 1996).

Рис. 7. Тюльпановидные горшки разных форм: 1, 2 — с круглым дном и низким венчиком; 3, 4 — кринки; 5–8 — с высоким горлом и плоским дном; 9, 10 — сосуды индивидуальных форм с низким венчиком (ранний период могильника). 1–6, 9, 10 — могильник Клады (1 — 11/43; 2 — 25/6; 3 — 24/6; 4 — 11D/4; 5 — 11/45; 6 — 34/1; 9 — 11/31; 10 — 11D/14); 7 — Уляп 17/20; 8 — Новокорсунская, курган, в насыпи (1–6, 8–11 — по Резепкин 2012; 7 — по Днепровский, Кореневский 1996).

можно связать с формой разного вида горшков, но об их диагностической роли в керамическом контексте памятника говорить, на мой взгляд, проблематично (Резепкин 2012: 51–54).

Из этого поселения опубликована только одна находка кубка с трубковидным горлом. Ее аналоги прямо связаны с высокогогорлыми кубками галюгаевско-серегинского варианта МНО (рис. 3: 14), как упоминалось выше. Однако это явное местное изделие, так как оно украшено типичным новосвободненским орнаментом в ёлочку.

Следующий шаг в нашей работе связан со сравнением тюльпановидных горшков с керамикой культуры воронковидных кубков. Для этой цели мы остановились на наиболее крупных работах германских археологов, посвященных разным группам этой общности населения Центральной Европы в IV тыс. до н.э. Сопоставляемые изображения на рисунках

10–15 образуют представительную выборку иллюстраций из работ В. Шрикеля (Schrickel 1966) и Р. Коссиана (Kossian 2005).

Естественно, сопоставление такого рода не мы делаем первыми. Экскурс в литературу, посвященную культуре воронковидных кубков, уже давно произвел А.Д. Резепкин и опубликовал свои сравнительные материалы, которые должны подтверждать его выводы о тождестве посуды новосвободненской группы с керамикой Центральной Европы (рис. 10) (Резепкин 1991; 2012). Однако, просматривая всю серию керамики, приведенную в работе Коссиана, можно прийти и к противоположному заключению о её несходстве с керамикой новосвободненской группы.

По работе Р. Коссиана (Kossian 2005) нами было учтено более 190 изображений сосудов из погребений и разрозненных комплексов культуры воронковидных кубков (культура Трихтербежер). Часть этой выборки мы при-

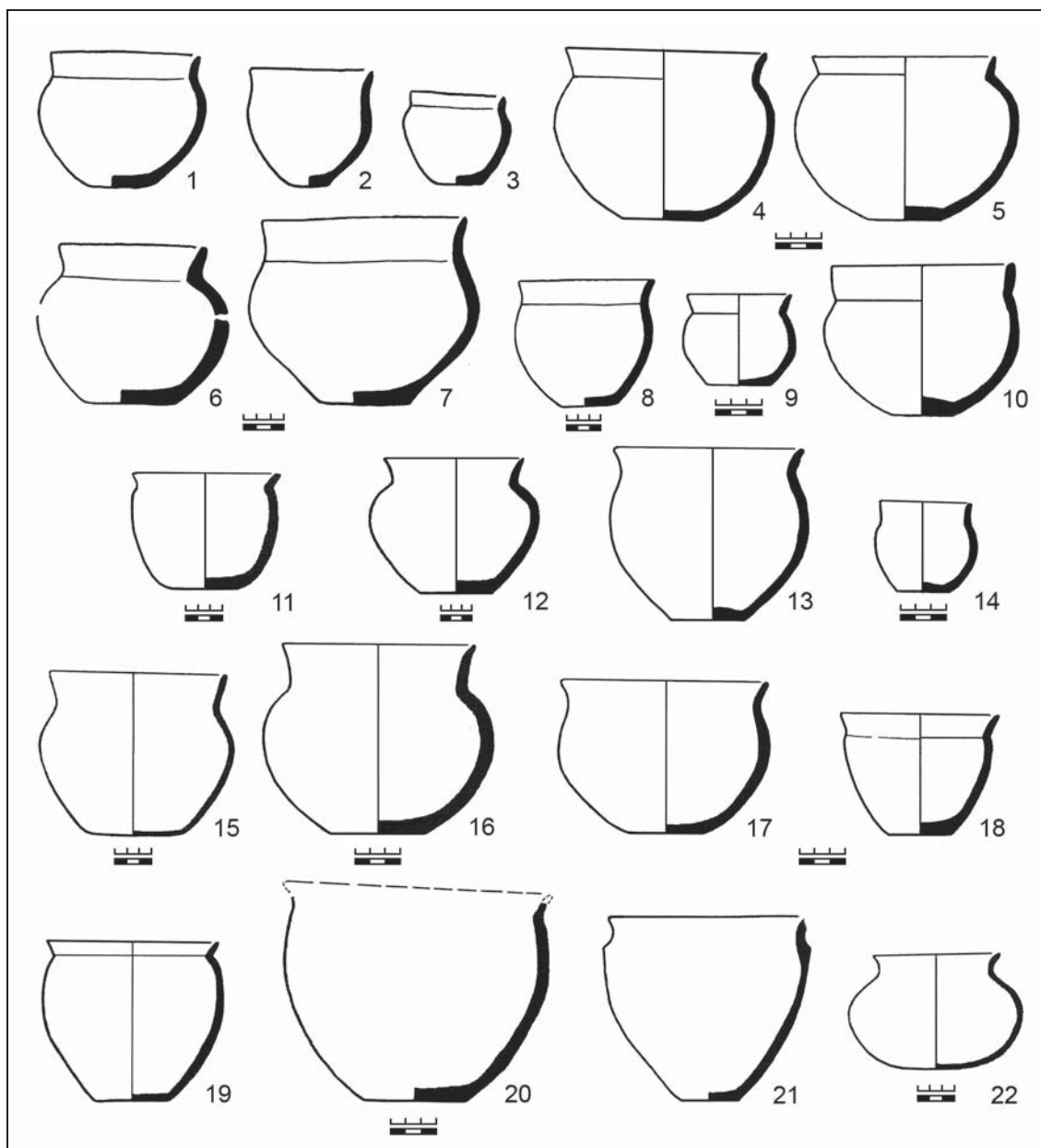

Fig. 8. Tulip-shaped pots with a low rim. The Klady cemetery, early period (after A. D. Rezepkin). 1 — 11D/15; 2, 21 — 11D/14; 3, 4 — 11/28; 5 — 11/29; 6 — 11D/6; 7 — 11D/16; 8 — 11/18; 9 — 1/31; 10 — 11/30; 11, 22 — 11/43; 12 — 11/48; 13 — 11/38; 14 — 11/44; 15, 16 — 11/50; 17, 18 — 11/40; 19 — 11/32; 20 — 1/53 (after Rezepkin 2000; Резепкин 2012).

Рис. 8. Тюльпановидные горшки с низким венчиком. Могильник Клады, ранний период захоронений (по А.Д. Резепкину). 1 — 11D/15; 2, 21 — 11D/14; 3, 4 — 11/28; 5 — 11/29; 6 — 11D/6; 7 — 11D/16; 8 — 11/18; 9 — 1/31; 10 — 11/30; 11, 22 — 11/43; 12 — 11/48; 13 — 11/38; 14 — 11/44; 15, 16 — 11/50; 17, 18 — 11/40; 19 — 11/32; 20 — 1/53 (по Резепкин 2000; Резепкин 2012).

вели на наших иллюстрациях. Конфигурация многих характерных сосудов часто связана с резко сужающимся ко дну туловом с плоским дном, сильно расширенным венчиком и широкой горловиной, диаметр которой выступает за пределы диаметра тулова сосуда. К сосудам такой формы действительно возможно применить понятие «тюльпановидный горшок» или «тюльпановидный кубок».

Иллюстрации в книге Р. Коссиана представлены в виде фотографий, рисунков с проработанным контуром изображения и схематичными контурами сосудов. На них есть сосуды, профиль которых напоминает майкопские горшочки (например, рис. 3: 15; 5: 10; 10: 1). Но, скорее всего, тут мы имеем дело с конвергентным совпадением очертаний керамических изделий, поскольку на предкав-

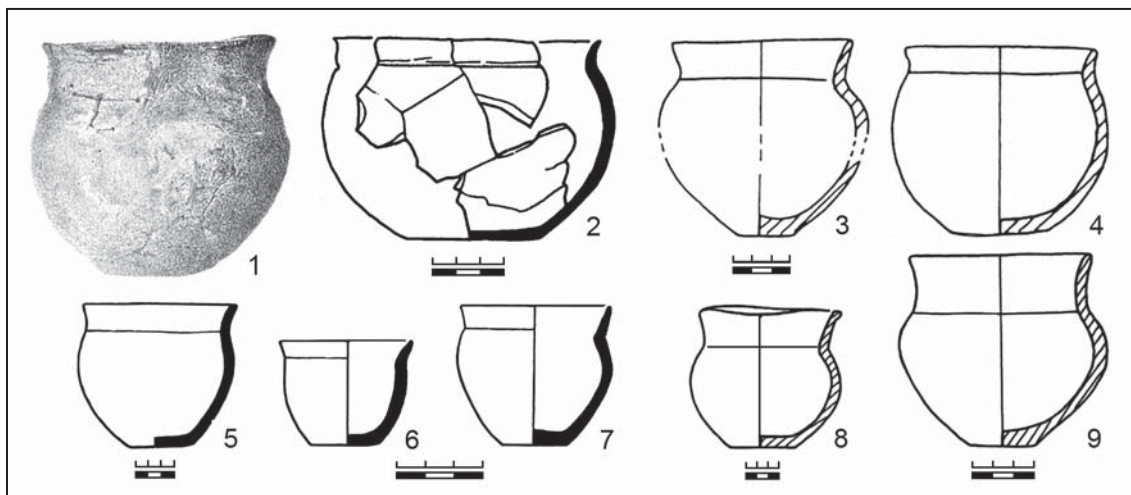

Fig. 9. Tulip-shaped pots of the late period from the Kladly cemetery, «horizon of tombs», and the vessels from kurgans at Novosvobodnaya and Novokorsunovskaya settlements. 1 — Novosvobodnaya, kurgan 2 (after Veselovsky 1901); 2—7 — Kladly (2 — k.11/the altar; 3—11F/20; 4—11F/20; 5—11/18; 6—11/56; 7—11/56); 8, 9 — k. Novokorsunskaya, burial 18, 19 (2—9 — after Rezapkin 2012).

Рис. 9. Тюльпановидные горшки позднего периода могильника Клады «горизонта гробниц» и сосуды из курганов у ст. Новосвободная и ст. Новокорсунская. 1 — Новосвободная, к. 2 (по Веселовский 1901); 2—7 — Клады (2—11/жертвенник; 3—11F/20; 4—11F/20; 5—11/18; 6—11/56; 7—11/56); 8, 9 — ст. Новокорсунская, п. 18, 19 (2—9 — по Резепкин 2012).

казских находках нет одного из важных признаков центральноевропейских горшочков — то есть орнамента.

Из нашей выборки в 190 сосудов по монографии Р. Коссиана орнаментированы 154, то есть 87%. В числе 13% неорнаментированных сосудов попадает 63% рисунков, выполненных как контуры без проработки корпуса. Таким образом, можно сказать, что для культуры воронковидных кубков наиболее показательны орнаментированные горшочки. Орнаменты на них имели вид вертикальных линий по тулову сосуда или прямоугольных фигур, заполненных вертикальными линиями. Иногда на венчик наносились насечки⁶ (рис. 10—14).

Среди тюльпановидных сосудов и кубков МНО орнаментированных форм практически нет. Известны только два примера. Первый — сосуд из Уашхиту 1/10 (рис. 5: 6). Орнамент на нем нанесен по середине корпуса пролощенной сеткой — типичным декором для долинского и пскупского вариантов МНО. Второй — сосуд из погребения 11/12 могильника Клады (рис. 6: 3), с орнаментом ёлочкой под венчиком горшка, типичным для носителей новосвободненской группы.

Этот самый показательный признак декора сосудов новосвободненской группы — ор-

намент в виде ёлочки на верхней части тулова вокруг венчика — для посуды культуры воронковидных кубков совершенно не характерен.

Вывод из вышеизложенного материала следующий. Тюльпановидные сосуды Западного Предкавказья не связаны с традицией керамического производства племен культуры воронковидных кубков. Приведенное сопоставление между ними и ограниченной выборкой керамики КВК (Резепкин 1991) (рис. 10: 15) не отражает наиболее характерные формы кубков центральноевропейских племен. Оно лишь показывает некоторое сходство между наиболее схематичными рисунками центральноевропейских кубков и прикубанскими тюльпановидными сосудами или кубками. На основе этих форм посуды невозможно документировать миграцию племён из Центральной Европы, давших толчок к становлению новосвободненской группы в Предкавказье. Такой тезис уже неоднократно находил отражение в литературе (Марковин 1990: 153—157; Мунчаев 1994: 163, 164, 166; Корневский 2014: 171—184).

Сосуды без ручек с высоким сужающимся к устью горлом. Такие формы очень напоминают кринки, то есть небольшие горшочки с высоким горлом для хранения молочных продуктов. В Новосвободненской гробнице 2 (раскопки Н. И. Веселовского) встречен великолепный экземпляр с блестящей полированной черной поверхностью и типичным но-

⁶ Мне трудно описывать технологию такого орнамента, судя только по рисункам.

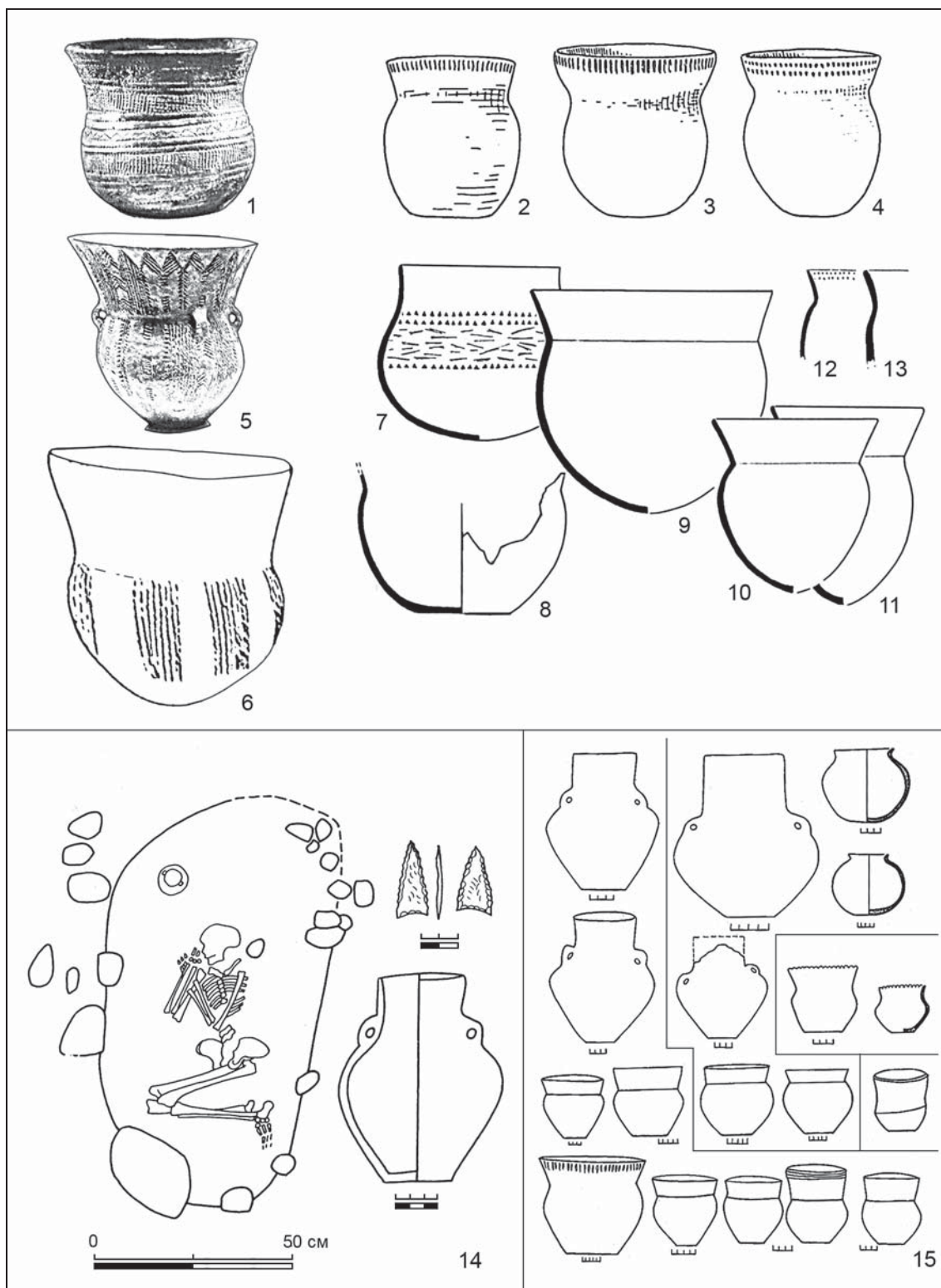

Fig. 10. Funnel-shaped beakers and a vessel with handles of the Trichterbecher culture, different styles of drawing (1—11 — after Schrickel 1966; 14 — after Kossian 2005; 15 — after Резепкин 1991).

Рис. 10. Воронковидные кубки и сосуд с ручками культуры Трихтербехер, изображенные в разной манере рисунка (1—11 — по Schrickel 1966; 14 — по Kossian 2005; 15 — по Резепкин 1991).

восвободненским орнаментом в елочку под венчиком (рис. 15: 1). Другие высокогорлые сосуды с немного сужающимся кверху горлом

найлены в комплексах могильника Клады 31/5 (рис. 15: 3) и 11F/20 (рис. 15: 4). Сосуд близкой конструкции с охристым цветом поверхности

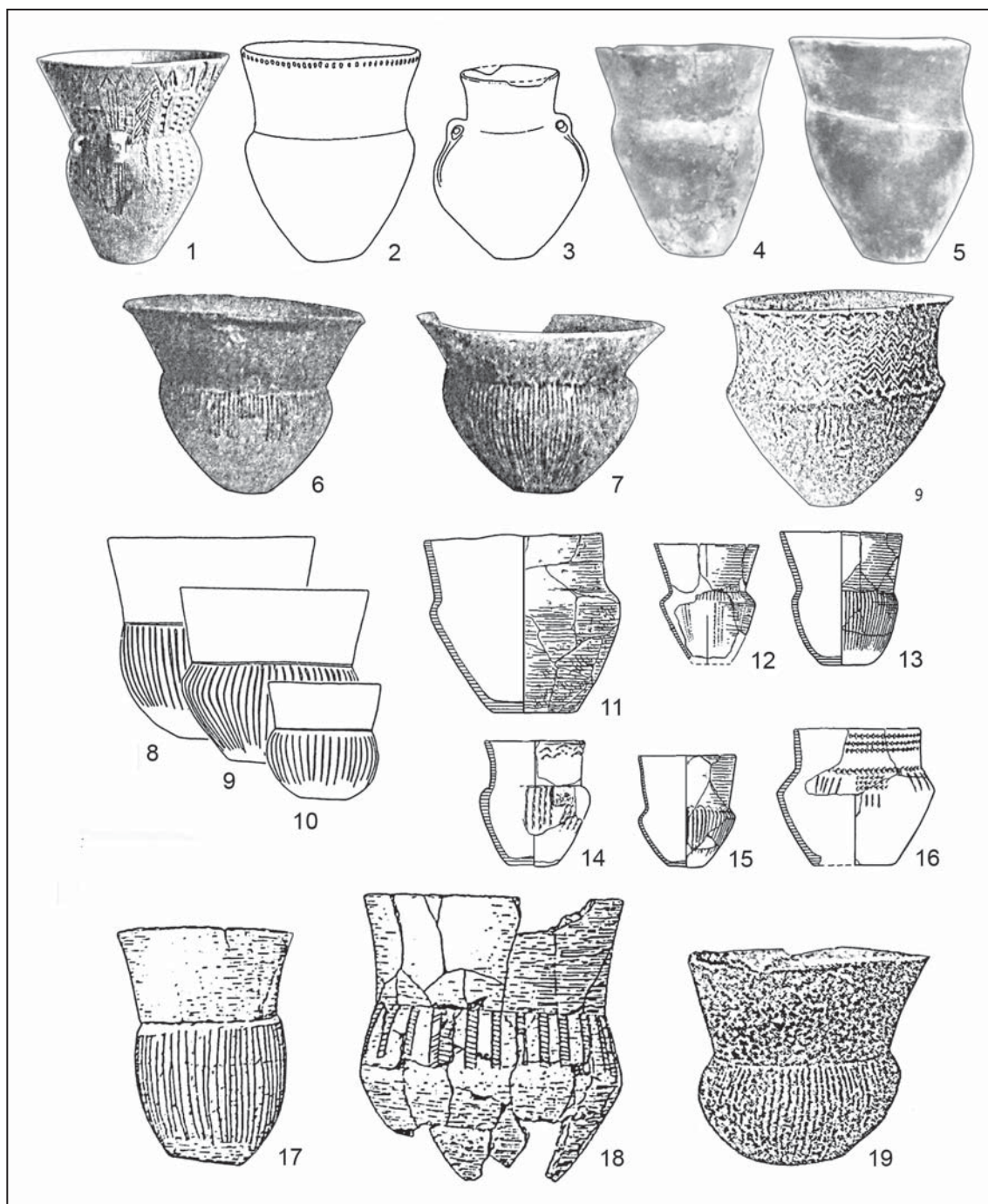

Fig. 11. Funnel-shaped beakers (1, 2, 4—19) and a vessel with handles (3) of the Trichterbecher culture, different styles of drawing (after Kossian 2005).

Рис. 11. Воронковидные кубки (1, 2, 4—19) и сосуд с ручками (3) культуры Трихтербехер, изображенные в разной манере рисунка (по Kossian 2005).

экспонировался в витрине ГИМа с паспортом «из Амавира» (рис. 15: 2). Близкие аналогии рассматриваемая форма находит в керамике культуры Хаманджия, фаза III (рис. 15: 6, 7), и в Софиевском могильнике позднего Триполья (рис. 15: 5). Возможно, эта форма является конвергентным образом «кринки» у разных племен земледельцев и скотоводов, в том числе и у племен дунайского энеоли-

та. Новосвободненские кринки явно местные и украшены своеобразным новосвободненским орнаментом. Не исключено, что такая форма имеет более ранние прототипы в культурах энеолита Дунайского бассейна и юго-запада Северного Причерноморья.

Сосуды с высоким сужающимся горлом и двумя петлевидными ручками. А. Д. Резепкин называет их амфорами. Однако принимая

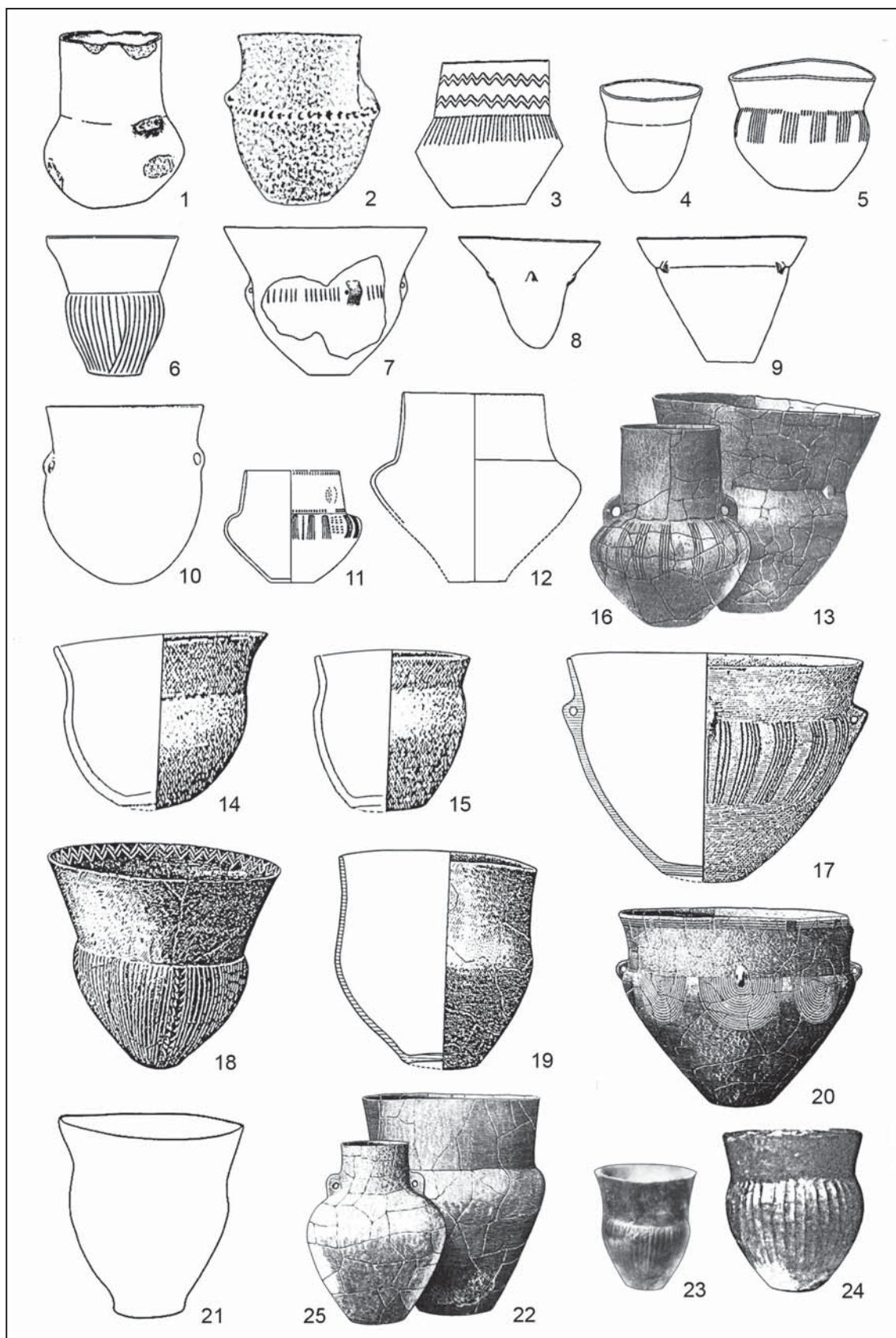

Fig. 12. Funnel-shaped beakers and a vessel with handles of the Trichterbecher culture, different styles of drawing (after Kossian 2005).

Рис. 12. Воронковидные кубки и сосуд с ручками культуры Трихтербехер, изображенные в разной манере рисунка (по Kossian 2005).

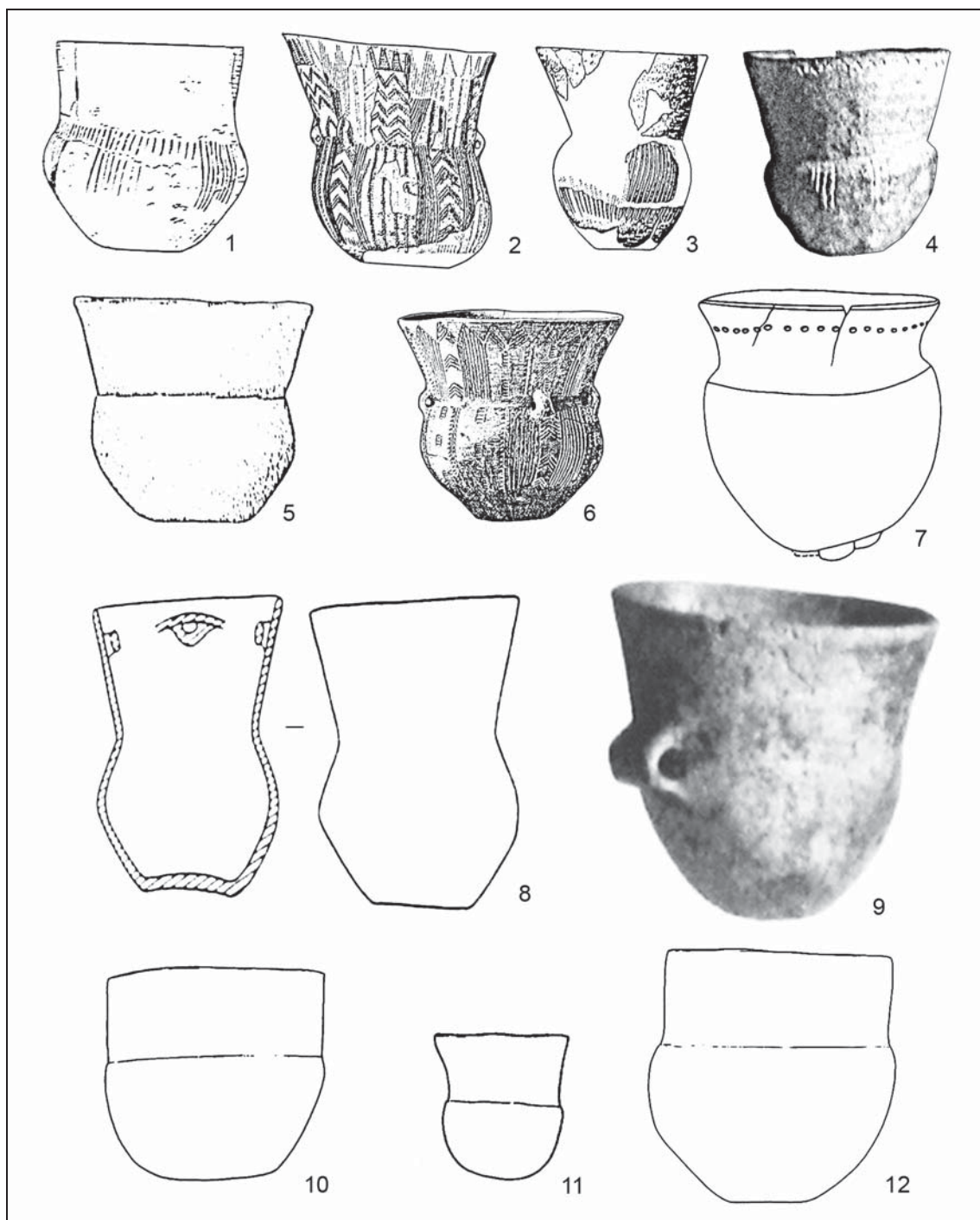

Fig. 13. Funnel-shaped beakers and vessels with handles of the Trichterbecher culture, different styles of drawing (after Kossian 2005).

Рис. 13. Воронковидные кубки и сосуды с ручками культуры Трихтербехер, изображенные в разной манере рисунка (по Kossian 2005).

во внимание тесную связь понятия «амфора» с античностью, мы такие горшочки так не называем, упоминая их описательно, как сосуды с ручками. Двуручные сосуды с ленточными ручками представляют довольно редкий тип новосвободненской керамики. Они найдены в к. 1 у ст. Новосвободная 1898 г. (рис. 16: 1), Клады 30/1 (рис. 16: 2), Клады 31/5 (рис. 16: 3).

Все сосуды украшены перед горлом поясом из елочного орнамента.

А. Д. Резепкин сравнил такие сосуды с двуручными сосудами культуры воронковидных кубков (рис. 16: 12, 13). В сводке Р. Коссиана есть около десяти сосудов с высоким сужающимся к устью горлом и двумя ручками (рис. 16: 4—13). Три из них ор-

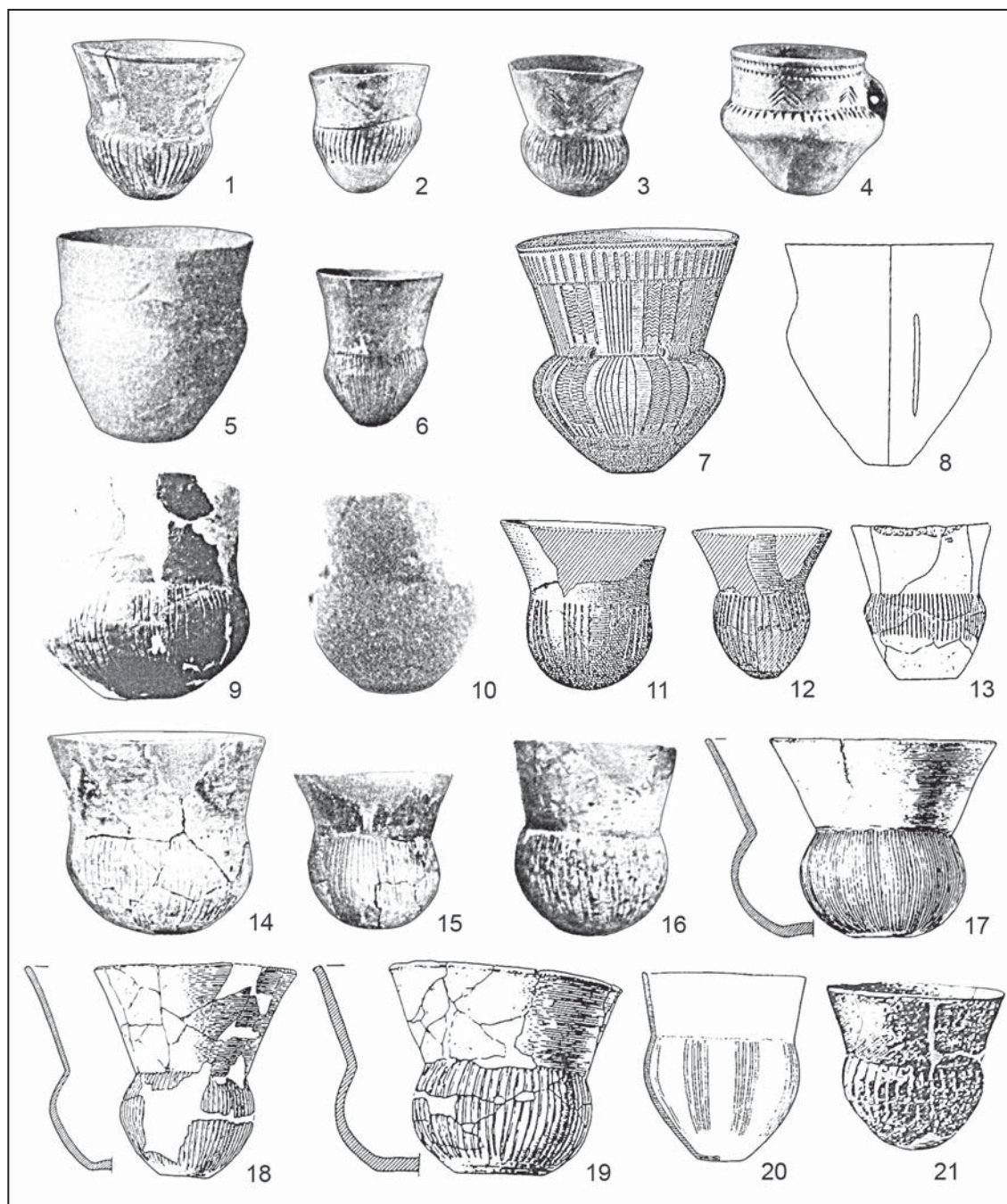

Fig. 14. Funnel-shaped beakers and a vessel with handles of the Trichterbecher culture (after Kossian 2005).

Рис. 14. Воронковидные кубки и сосуд с ручками культуры Трихтербехер (по Kossian 2005).

наментированы типичным для этой культуры орнаментом. Разница между новосвободненскими сосудами и сосудами из Центральной Европы сразу бросается в глаза. Ручки у сосудов культуры воронковидных кубков наклеены на переход контура тулова к горлу. У предкавказских сосудов из погребений новосвободненской группы ручки расположены на тулове под горлом. Это совершенно иная производственная традиция. Об аналогиях тут речи быть не может.

Сосуды с расширяющимся к устью горлом и двумя ручками под горлом. Такие сосуды с ленточными ручками известны из ст. Новосвободная, к. 1 (рис. 17: 1), из могильника Клады 11G/24 (рис. 17: 2), Клады 34/2 (рис. 17: 3), Клады 23/1 (рис. 17: 8), из кургана Чернышев 1/1 (рис. 17: 4), на Серегинском поселении (рис. 17: 5—7, 9—11), из Новосвободненского поселения (Rezepkin 2000: табл. 12: 11). Ручки на таких сосудах бывают в виде наклепных лент или при-

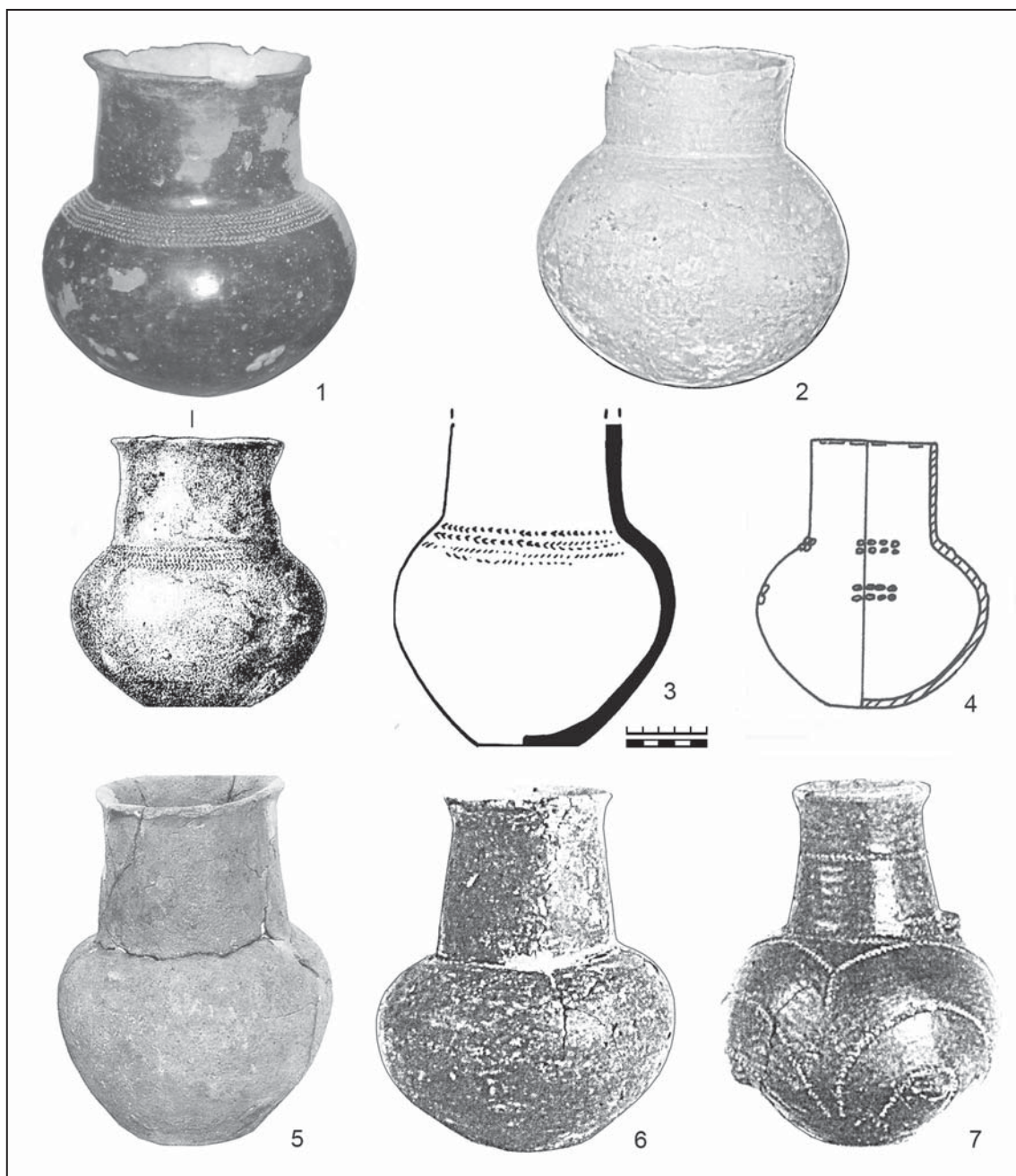

Fig. 15. Vessels with a flat bottom and high neck of the Maikop-Novosvobodnaya community and their analogies. 1 — Novosvobodnaya, kurgan 2, (black burnish). 2 — neighborhood of Armavir (ochre color vessel), 3 — Klady 31/5, 4 — Klady 11F/20, 5 — Sofievka cemetery, 6, 7 — The Hamangia culture, stage III (1, 2 — photo by the author; 3, 4 — after Резепкин 2012; 5 — after Відейко 2004; 6, 7 — after Todorova 2002).

Рис. 15. Сосуды с плоским дном и высоким горлом майкопско-новосвободненской общности и их аналогии: 1 — Новосвободная, к. 2 (черное лощение); 2 — окрестности Армавира (охристый сосуд); 3 — Клады 31/5; 4 — Клады 11F/20; 5 — Софиевский могильник; 6, 7 — культура Хаманджия, стадия III (1, 2 — фото автора; 3, 4 — по Резепкин 2012; 5 — по Відейко 2004; 6, 7 — по Todorova 2002).

лепных плоских ушек с отверстием. Не всегда по рисунку удается определить, где какая стоит ручка. На сосудах из Новосвободненской гробницы (рис. 17: 1), из погребений могильника Клады, кургана Чернышев, отдельных сосудах Серегинского поселения можно увидеть или предполагать ленточные ручки.

На двуручных сосудах Псекупского поселения ручки выполнены как плоское «ушко» с отверстием (Ловпаче, Дитлер 1988: 131).

Иными словами, ленточная ручка — это широко распространенная и хорошо знакомая деталь для керамики разных культур.

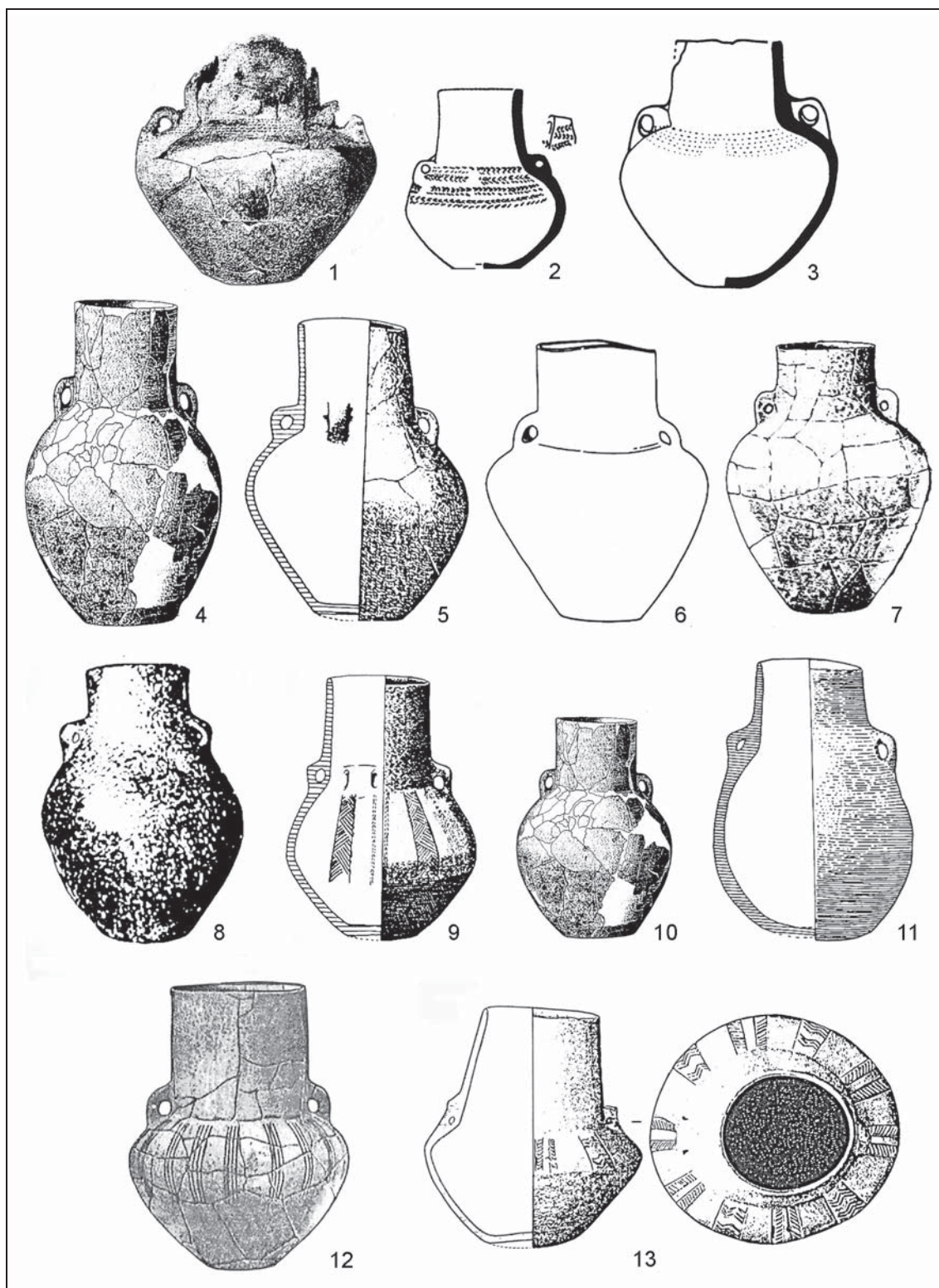

Fig. 16. Vessels of the Novosvobodnaya group and the funnel beaker cultures with two ribbon handles at the bend of the neck and a high tapering neck. 1 — Novosvobodnaya, kurgan 1 (Veselovsky 1901); 2 — Klady 30/1; 3 — Klady 31/5 (after Rezapkin 2012); 4–13 — vessels of the Trichterbecher culture (after Kossian 2005).

Рис. 16. Сосуды новосвободненской группы и культур воронковидных кубков с двумя ленточными ручками на сгибе горла и высоким сужающимся к устью горлом. 1 — Новосвободная, к. 1 (по Веселовский 1901); 2 — Клады 30/1; 3 — Клады 31/5 (по Резепкин 2012); 4–13 — сосуды культуры Трихтербежер (по Kossian 2005).

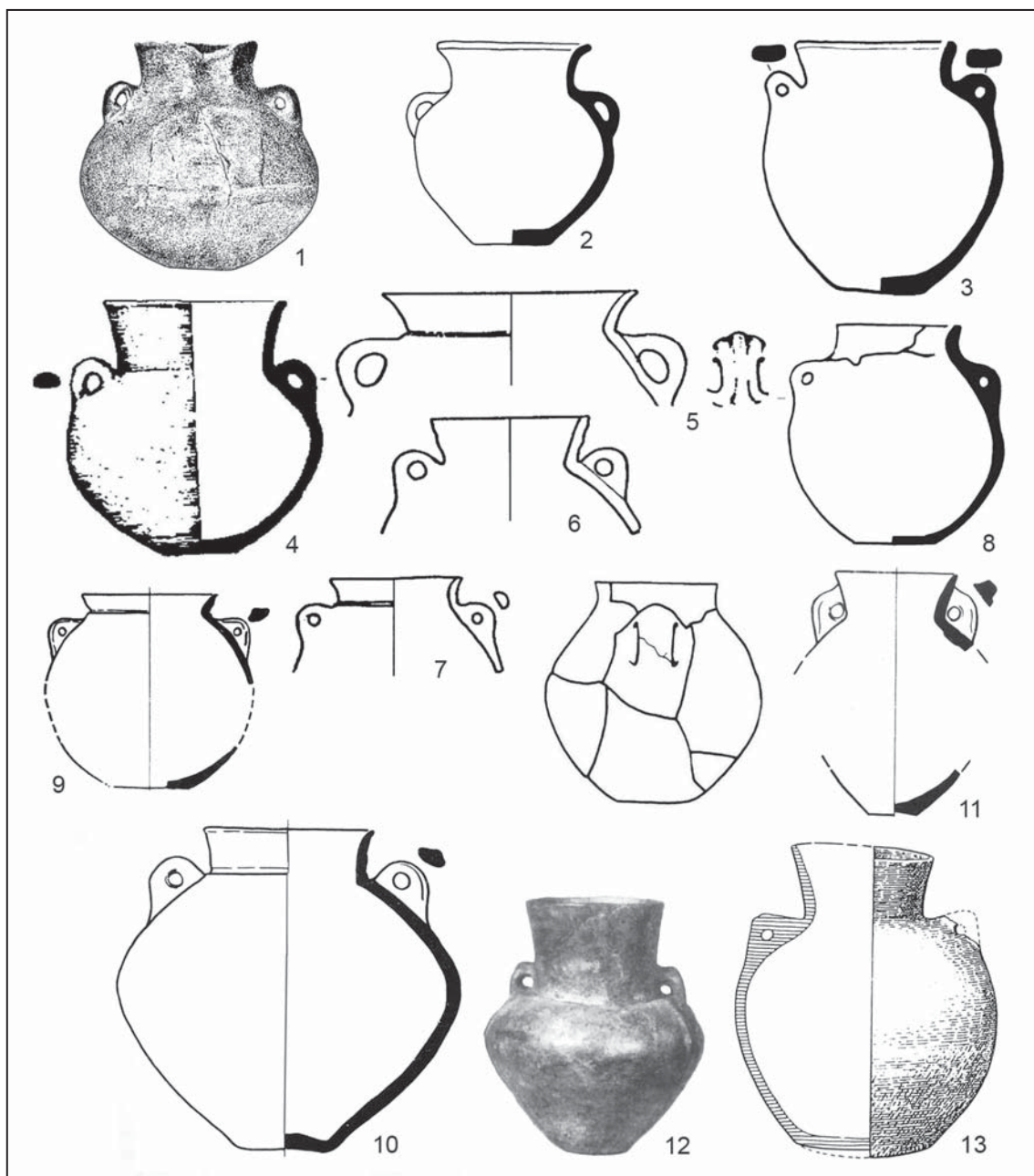

Fig. 17. Two-handled vessels of the Maikop-Novosvobodnaya community and funnel beaker culture with expanding throat. 1 — Novosvobodnaya, kurgan 1; 2 — Klady 11G/24; 3 — Klady 34/2; 4 — Chernyshev 1/1; 5-7, 9-11 — Seryoginskoe settlement; 8 — Klady 23/1; 12, 13 — the Trichterbecher culture (1 — after Веселовский 1901; 2, 3, 8 — after Резепкин 2012; 4 — after Бианки, Днепровский 1988; 5-7, 9-11 — after Днепровский, Яковлев 1988; Днепровский 1991; 12, 13 — after Kossian 2005).

Рис. 17. Двуручные сосуды майкопско-новосвободненской общности (1—11) и культуры Трихтербежер с расширяющимся горлом. 1 — Новосвободная, к. 1; 2 — Клады 11G/24; 3 — Клады 34/2; 4 — Чернышев 1/1; 5-7, 9-11 — Серегинское поселение; 8 — Клады 23/1; 12, 13 — культура Трихтербежер (1 — по Веселовский 1901; 2, 3, 8 — по Резепкин 2012; 4 — по Бианки, Днепровский 1988; 5-7, 9-11 — по Днепровский, Яковлев 1988; Днепровский 1991; 12, 13 — по Kossian 2005).

Она была известна у носителей галюгаевско-серегинского варианта МНО в среднем Закубанье и племен новосвободненской группы. Данных о подобных сосудах с двумя ручками перед горлом из памятников долинского варианта мне неизвестно.

В каталоге Р. Коссиана есть только два сосуда, которые относительно близки к предкавказским (рис. 17: 12, 13). Но один из них имеет иное устройство ручек, поставленных на переходе от тулова к венчику. В качестве аналогии к сосудам новосвободненской группы он

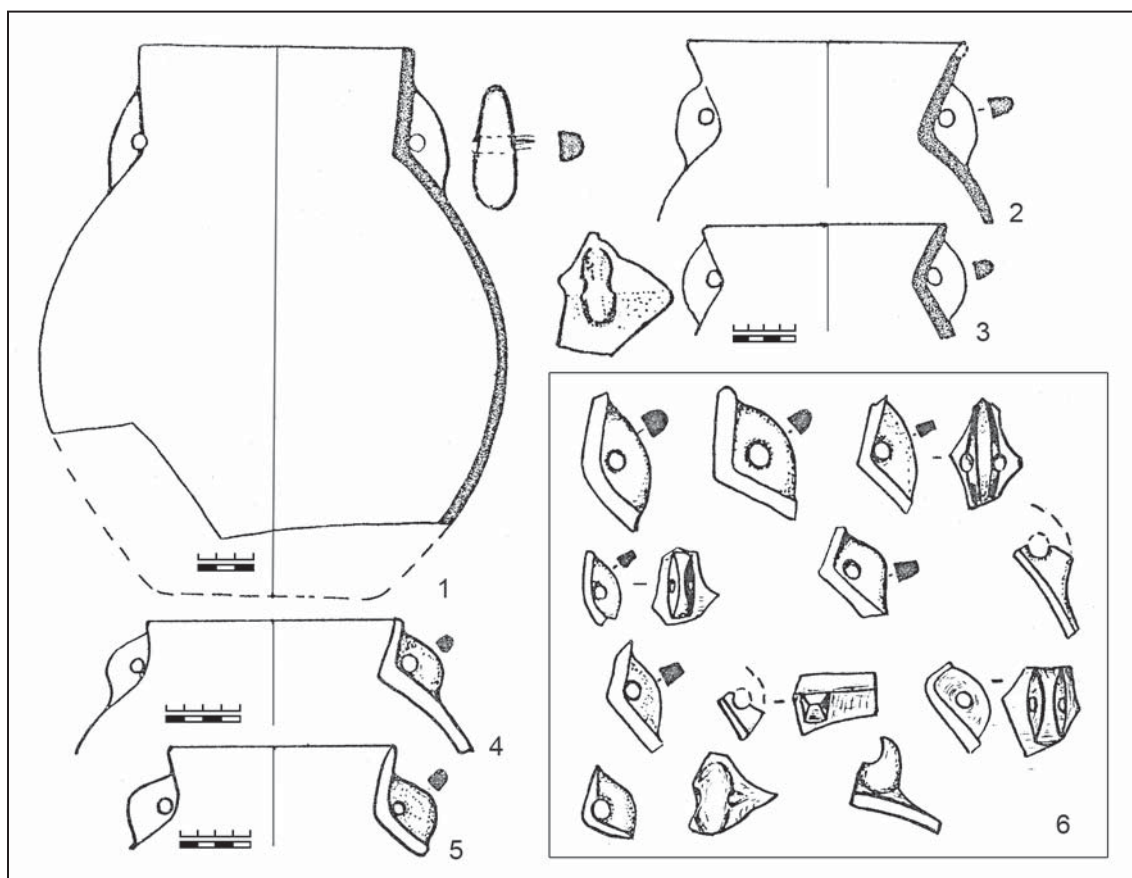

Fig. 18. Vessels with two handles-ears from Galyugaevskoe-1 settlement (after Корневский 1993).

Рис. 18. Сосуды с двумя ручками-ушками Галюгаевского-1 поселения (по Корневский 1993).

не подходит. Второй экземпляр (рис. 17: 13) единичен в коллекции посуды культуры воронковидных кубков. Нам трудно сказать, насколько развитой была традиция производства подобных горшков у племен Центральной Европы.

О том, что сосуды с двумя ручками на сгибе горла могут отражать конвергентные линии развития в представлениях о керамике у древних земледельцев и скотоводов IV тыс. до н.э., свидетельствуют обломки от сосудов с двумя ручками-ушками с поселения Галюгаевское 1 (рис. 18). В основном они иллюстрируют ручки, поставленные на место перегиба контура от тулова к венчику. Сами сосуды обладают невысоким горлом. По этому признаку они резко отличны от сопоставимых с ними форм культуры воронковидных кубков, имеющих высокое горло. Более того, рассматриваемые майкопские сосуды Галюгаевского поселения имеют ручки-ушки.

Обитателям Галюгаевского поселения также были известны другие типы ручек, таких как ленточные ручки круглого сечения и ручки-ушки, поставленные на тулово под

горлом (Корневский 1995: 118, рис. 32; 143, рис. 58). При просмотре под микроскопом удалось установить, что такие сосуды изготовлялись из теста без минеральных примесей. И, конечно, они не являются копией керамики культуры Трихтербехер.

Заключение

Первое. В связи с довольно аморфным в русском языке понятием «кубок» нам представляется целесообразным понимать под этой формой небольшой сосуд закрытых форм с высоким трубовидным горлом или сосуд открытой формы, напоминающий стакан. Емкость кубков небольшая. Наиболее показательны сосуды объемом до 200 мл. Иные сосуды небольших объемов, емкостью до литра, закрытых форм с отогнутым наружу венчиком, можно рассматривать как похожие на кубки сосуды.

Второе. В упомянутых выше работах А.Д. Резепкин неоднократно подчеркнул, что керамика новосвободненской группы в виде кубков и амфор (сосудов с ручками) находит аналогии в баальбергской группе памятников

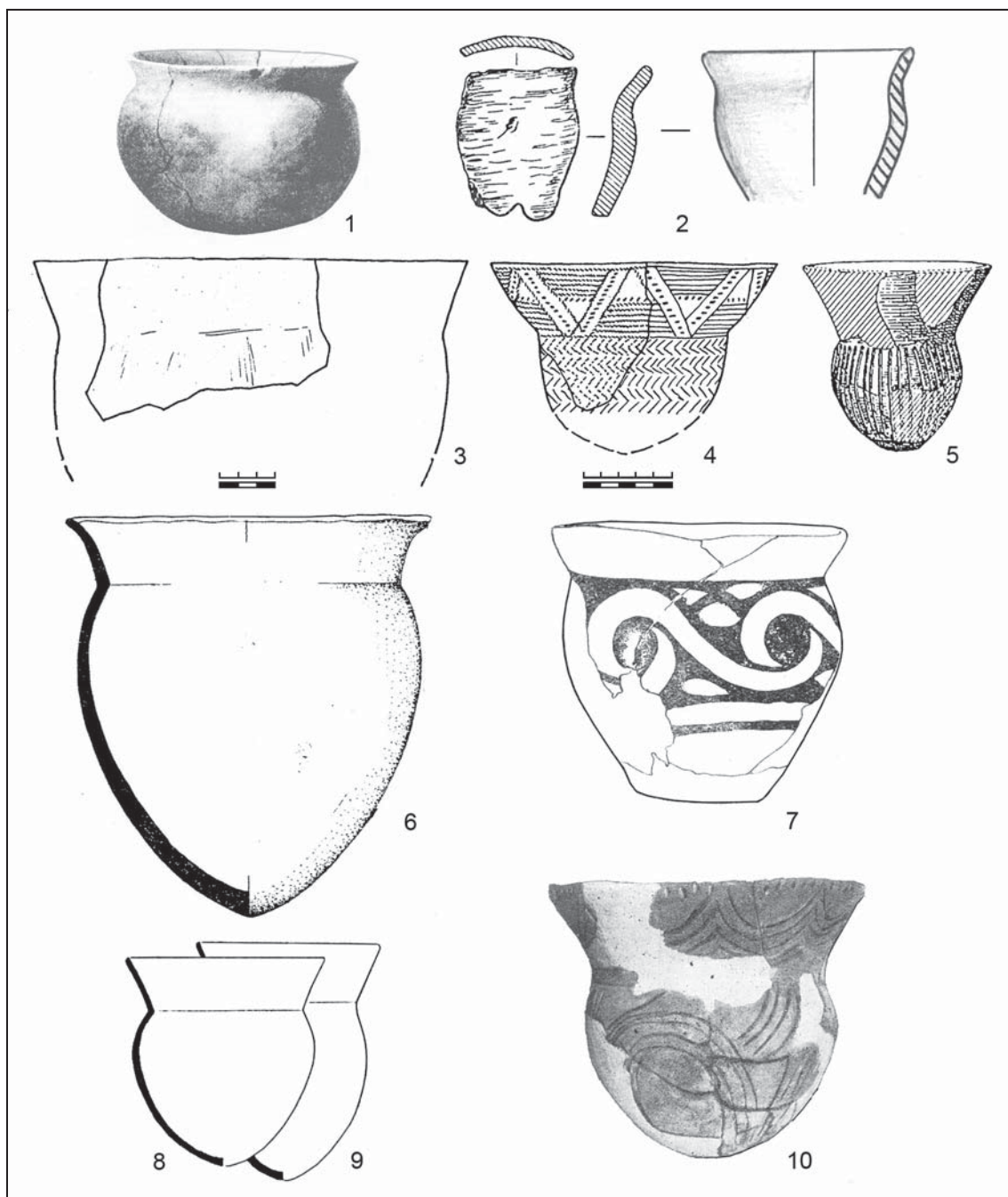

Fig. 19. Vessels of various Chalcolithic cultures with tulip-shaped rim. 1 — Skala burial (after Formozov 1965); 2 — Veseliy farmstead (after Formozov, Chernich 1964); 3, 4, Konstantinovskoe settlement (after Kiyashko 1994); 5, 8, 9 — the Trichterbecher culture (after Kossian 2005); 6 — Svobodnoe settlement (after Nekhaev 1990); 7 — Vladimirovka; 10 — Kolomyishchina (after Пассек 1949).

Рис. 19. Сосуды разных культур эпохи халколита с тюльпановидным венчиком. 1 — Скала, погребение (по Формозов 1965); 2 — хут. Веселый (по Формозов, Черных 1964); 3, 4, — Константиновское поселение (по Кияшко 1994); 5, 8, 9 — культура Трихтербежер (по Kossian 2005); 6 — пос. Свободное (по Нехаев 1990); 7 — Владимировка; 10 — Коломийщина II (по Пассек 1949).

Западной Европы, и это сходство не случайно (см., например: Резепкин 2004: 432). Однако мы придерживаемся иного мнения.

В связи с этим можно еще раз отметить диагностические формы для новосвободненской группы, которые выделяют ее среди всех про-

чих культурных образований. Они включают наборы лепной керамики разных форм, украшенных по верхней части тулова орнаментом в стиле «ёлочного» штампа (Кореневский 2004: 57—61). Цвет этих сосудов иногда черный, но он ничего не говорит о принадлеж-

ности новосвободненской группы к некоему блоку чернолощеной центральноевропейской керамики. Чернолощенная керамика есть среди наборов посуды Галюгаевского поселения, лейлатепинской культуры. Прекрасные образцы чернолощеной керамики представляет куро-араксская культура, а также культура Хаманджия дунайского энеолита. Кроме того, сосуды из новосвободненских гробниц имеют охристую и алую поверхность, что позволяет соотносить их с характерными цветами керамики галюгаевско-серегинского, псекупского и долинского вариантов МНО, но только не с керамикой культуры воронковидных кубков.

Третье. Сосудов-кубков, имеющих аналогии среди типичных форм керамики с орнаментом культуры воронковидных кубков, нет ни на раннем «горизонте» могильника Клады, ни на позднем.

Вопрос о том, откуда в контексте набора керамики МНО появились формы тюльпановидных сосудов, требует специального рассмотрения. Сейчас можно лишь отметить, что сосуды с широким горлом-раструбом и плоским или коническим дном были известны в предмайкопское время у племен энеолита Предкавказья, Нижнего Дона, а также у племен Северо-Западного Причерноморья времени Триполья VI (рис. 19). Обосновать их появление в памятниках раннего бронзового века Предкавказья в связи с миграцией южных племен достаточно проблематично. Не исключено, что прототипы сосудов с горлом-раструбом и плоским дном могут быть связаны с эпохой предшествующего энеолита Предкавказья и сопредельных территорий вплоть до ареала культур Гумельница и Триполье-Кукутень.

Четвертое. Формы высокогорлых сосудов новосвободненской группы, а также сосудов с двумя ручками, практически не имеют детальных аналогий среди посуды культуры воронковидных кубков. Вместе с тем, формы высокогорлых сосудов были известны среди наборов посуды галюгаевско-серегинского и псекупского вариантов МНО.

Появление небольших сосудов с двумя ручками с постановкой их на сгибе горла вообще можно рассматривать как явление конвергентного характера. Это не изобретение одного народа, заимствованное потом иными племенами.

Иное дело — трехручные сосуды — очень редкий тип керамики вообще. Они зафиксированы у племен куро-араксской культуры и у носителей долинского варианта МНО, как очевидное заимствование с юга, от куро-

араксских племен. Но сравнение трехручных сосудов Долинского поселения с керамикой Новосвободненского поселения (Резепкин 2008: 176, табл. 17), ничего не говорит о тождестве между упомянутыми выше бытовыми комплексами. Оно свидетельствует как раз об обратном — об их несходстве. Объединять новосвободненскую группу с долинским вариантом МНО в одну культуру невозможно. Это явления разного порядка формирования керамических и погребальных комплексов, близкие по формам металла, но не тождественные.

Пятое. Сравнение форм высокогорлых сосудов с округлым дном культуры Лейлатепе (рис. 3: 3, 4) и круглодонных кубков галюгаевско-серегинского и псекупского вариантов (рис. 3: 1, 2, 5, 6, 8) отражает их большую похожесть, связанную, скорее всего, с южными традициями производства.

Вместе с тем, для лейлатепинской культуры мы не фиксируем пока ни сосудов с двумя ручками у горла, ни тюльпановидных горшочков, ни традиции сетчатого пролощенного орнамента (Мусеибли 2007). Все это заставляет предполагать не только близость между этими культурами (общностями?), но и очевидные особенности каждой из них.

Так, мы не можем исключить развитие типологии посуды у носителей традиций ближневосточной керамики строго симметричных форм «для массового производства» на месте гончарами майкопско-новосвободненской общности.

Шестое. Новосвободненская группа (собственно поздний «горизонт» гробниц Кладов) стоит особняком в системе майкопско-новосвободненской общности за счет своеобразия своих диагностических типов керамики, форм двухкамерных гробниц. Её гончары могли воспринимать различные формы керамики других вариантов МНО, украшать их своими орнаментами, но реально сосудов культуры воронковидных кубков в контексте ее памятников незаметно.

Более того. Последняя публикация этого памятника (Резепкин 2014: 93—103) иллюстрирует массовые находки на нем охристой керамики, сопоставимой с посудой галюгаевско-серегинского или псекупского варианта, что приводит к заключению о том, что характер культурных отложений этого поселения еще окончательно далеко не выяснен и явно соотносится с понятием майкопско-новосвободненской общности.

Седьмое. Рассмотрение форм небольших сосудов емкостью до 200 мл или сосудов средних объемов от 1,2 до 4 л позволяет поста-

вить вопрос об их функциональном предназначении в мифологии погребального обряда. На примере Майкопского кургана возможно прийти к выводу, что посуда малых форм — кубки могли использоваться в особых ритуальных церемониях, а также как посуда для пира в кругу богов в стране, где растет волшебное Древо Жизни.

Небольшие тюльпановидные сосуды и сосуды средних размеров емкостью до 4 л сравнимых культур и общностей (майкопско-новосвободненской и культуры воронковидных кубков) могли также предназначаться для выполнения своей роли в мифологии погребальных обрядов, особенности которой требуют специального изучения.

Литература

- Бианки А. М., Днепровский К. А. 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры. В: Аутлев П. У. (ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп: АИЭЯЛИ, 71—85.
- Бочковой и др. 2013: Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Резепкин А. Д. 2013. Поселение майкопской культуры «Чекон». *Археология и этнография понтийско-кавказского региона* 1. Краснодар, 5—18.
- Веселовский Н. И. 1901. Раскопки Н. И. Веселовского. *ОАК за 1899 г.*, 29—39.
- Відейко М. Ю. 2004. Софиевский тип. *Енциклопедія Трипільської цивілізації*. Т. II. Київ.
- Даль В. И. 1889. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. II. Репринт издания 1881 г. Москва: Русский язык.
- Днепровский К. А. 1991. Серёгинское поселение эпохи ранней бронзы. В: Абрамов А. П., Гавритухин И. О., Паромов Я. М., Эрлих В. Р. (ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: ГМИНВ, 3—17.
- Днепровский К. А., Кореневский С. Н. 1996. Сравнительный анализ керамики Галюгаевского и Серёгинского поселений майкопской культуры. *Историко-археологический альманах* 2. Армавир, 4—12.
- Днепровский К. А., Кореневский С. Н., Эрлих В. Р. 1995. Новые погребения «новосвободненской группы» у станции Новосвободной в Закубанье. *СА* (3), 119—130.
- Кияшко В. Я. 1994. *Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V—III тысячелетиях до н. э.)*. Донские древности 3. Азов: Азовский краеведческий музей.
- Кондрашов А. В., Резепкин А. Д. 1988. Новосвободненское погребение с повозкой. *КСИА* 193, 91—97.
- Кореневский С. Н. 1993. *Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке*. Москва: Прогресс.
- Кореневский С. Н. 1995. *Галюгай-1 — поселение майкопской культуры*. Москва: ИЭА РАН.
- Кореневский С. Н. 2002. Рец.: Rezepkin A. D. 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // *Archäologie in Eurasien*, band 10. Verlag Marie Leindorf: Rahden/Westf. *РА* (4), 170—175.
- Кореневский С. Н. 2004. *Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии*. Москва: Наука.
- Кореневский С. Н. 2012. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар. *РА* (4), 66—80.
- Кореневский С. Н. 2014. Рец. на кн.: Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). Санкт-Петербург: Нестор-История. 2012. (Тр. ИИМК РАН; т. XXXVII, 342 с., 206 табл., 16 цв. табл.). *РА* (2), 171—184.
- Кореневский С. Н., Атабиев Б. Х., Аккизов А. Я., Хашироков А. Х. 2008. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудухурт в Балкарии. В: Мерперт Н. Я., Кореневский С. Н. (ред.). *Археология Кавказа и Ближнего Востока*. Москва: Наука, 123—155.
- Куфтин Б. А. 1941. *Археологические раскопки в Триалети*. Тбилиси: АН Грузинской ССР.
- Ловпаче Н. Г., Дитлер П. А. 1988. Псекупское поселение 1. *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 105—139.
- Марковин В. И. 1990. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура). *СА* (4), 100—122.
- Мунчаев Р. М. 1994. Майкопская культура. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа*. Москва: Наука, 158—225.
- Мусейбли Н. А. 2007. *Энеолитическое поселение Беюк Кесик*. Баку: Nafta Press.
- Нехаев А. А. 1990. Энеолитические поселения Закубанья. В: Ждановский А. М., Марченко И. И. (ред.). *Древние памятники Кубани*. Краснодар: Краснодарский государственный университет, 5—22.
- Оганесян В. Э. 1988. Серебряный кубок из Карашамба. *Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР* 4. Ереван, 145—161.
- Пассек Т. С. 1949. *Периодизация трипольских поселений (III—II тыс. до н. э.)*. МИА 10. Москва; Ленинград: Наука.
- Пиотровский Ю. Ю. 1996. Майкопская культура. *Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана*. Каталог выставки. Москва: ГМИИ.
- Резепкин А. Д. 1989. *Северо-западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Резепкин А. Д. 1991. Кургan 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры. В: Массон В. М. (ред.). *Древние культуры Прикубанья*. Ленинград: Наука, 167—197.
- Резепкин А. Д. 1991а. Проблема генезиса майкопской культуры. В: Пицхелаури К. (ред.). *Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии*. Тбилиси: Мицниереба, 72—79.
- Резепкин А. Д. 2004. Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры. В: Вишняцкий Л. Б., Ковалева А. А., Щеглова О. А. (ред.). *Археолог: детектив и мыслитель*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 422—436.
- Резепкин А. Д. 2008. Поселение Новосвободненское.

- В: Мерперт Н.Я., Кореневский С.Н. (ред.). *Археология Кавказа и Ближнего Востока*. Москва: Таус, 157—176.
- Резепкин А.Д. 2012. *Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»)*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Резепкин А.Д. 2014. Поселение Новосвободненское на северо-западном Кавказе. *Записки ИИМК* 10. Санкт-Петербург, 93—103.
- Фасмер М. 1986. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс.
- Формозов А.А. 1965. *Каменный век и энеолит Прикубанья*. Москва: Наука.
- Формозов А.А., Черных Е.Н. 1964. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье. *КСИИМК* 101, 102—109.
- Шишлов А.В. 2012. Исследование майкопских памятников в районе Новоросийска. Доклад, прочитанный на заседании Отдела археологии бронзового века 20.09.2012 в Институте археологии РАН⁶.
- Шишлов и др. 2010: Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко И.В. 2010. Исследования поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской. В: Багаев М.Х., Гаджиев М.С., Мужухоев М.Б. (ред.). *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа*. Тезисы докладов. Магас: Пилигрим, 374—377.
- Häusler A. 1994. Die Maikop-Kultur und Mitteleuropa. *Zeitschrift für Archäologie* 28. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 191—246.
- Frankfort H. 1939. *Cylinder seals*. London: Macmillan.
- Kossian R. 2005. *Nichtmegalithische Grabanlagen der Trichterbecherkultur in Deutschland und den Niederlanden*. Veröffentlichungen des Landesamtes für Vorgeschichte 58. Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte.
- Rezepkin A.D. 2000. *Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien*. Archäologie in Eurasien 10. Rahden, Westf.: Verlag Marie Leindorf.
- Schröckel W.R. 1966. *Katalog der Mitteldeutschen Gräber mit Westeuropäischen Elementen und der Galeriegräber Westdeutschlands*. Bonn.
- Todorova H. 2002. *Durankulak*. Band II. *Der prähistorischen Gräber von Durankulak*. Berlin; Sofia. Deutsches Archäologisches Institut.
- Woolley L. 1934. *Ur excavation. The Royal Cemetery*. Vol. I, II. Philadelphia: British Museum; Museum of the University of Pennsylvania.

References

- Bianki, A.M., Dneprovskii, K.A. 1988. In Autlev, P.U. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of the Archaeology of Adygea)*. Maykop: Adygean Research Institute for Economy, Language, Literature, and History, 71—85 (in Russian).
- Bochkovoi, V.V., Limberis, N. Yu., Marchenko, I.I., Rezepkin, A.D. 2013. In *Arkheologiya i etnografiya pontisko-kavkazskogo regiona (Archaeology and Ethnography of the Pontic-Caucasian Region)* 1. Krasnodar, 5—18 (in Russian).
- Veselovskii, N.I. 1901. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1899 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1899)*, 29—39 (in Russian).
- Videjko, M. Yu. 2004. In Videjko, M. Yu., Burdo, N.B. (eds.). *Entsyklopediya trypil's'koi tsyvilizatsii (Encyclopedia of the Tripolyan Civilization)* II. Kiev: "Ukrpolihrafmedia" Publ. (in Ukrainian).
- Dahl, V.I. 1989. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)* II. Moscow: "Russkii iazyk" Publ. (in Russian).
- Dneprovskii, K.A. 1991. In Abramov, A.P., Gavritukhin, I.O., Paromov, Ya.M., Erlikh, V.R. (ed.). *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia (Antiquities of Northern Caucasus and Pontic Region)*. Moscow: State Eastern Peoples' Art Museum, 3—17 (in Russian).
- Dneprovskii, K.A., Korenevskii, S.N. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskii almanah (Historical-Archaeological Almanac)* 2. Armavir, 4—12 (in Russian).
- Dneprovskii, K.A., Korenevskii, S.N., Erlikh, V.R. 1995. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 119—130 (in Russian).
- Kiiashko, V. Ya. 1994. *Mezhdru kamnem i bronzoi. (Nizhnee Podon'e v V—III tysiacheletiiakh do n. e.) (Between Stone and Bronze: the Lower Don Area in V—III Millennia BC)*. Series: Antiquities of the Don 3. Azov: Azov Museum of Local Lore (in Russian).
- Kondrashov, A.V., Rezepkin, A.D. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 193, 91—97 (in Russian).
- Korenevskii, S.N. 1993. *Drevneishie osedloe naselenie na srednem Tereke (The Most Ancient Sedentary Population in Middle Terek Region)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
- Korenevskii, S.N. 1995. *Galiugai-1 — poselenie maikopskoi kul'tury (Galyugay-1, a Settlement of the Maykop Culture)*. Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Korenevskii, S.N. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 170—175.
- Korenevskii, S.N. 2004. *Drevneishie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ia (maikopsko-novosvobodnenskaia obshchnost', problemy vnutrennei tipologii) (The Earliest Agriculturists and Cattle-raisers of Ciscaucasia (Maykop Culture, the Problems of Internal Typology))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Korenevskii, S.N. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 66—80 (in Russian).
- Korenevskii, S.N. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 171—184 (in Russian).
- Korenevskii, S.N., Atabiev, B. Kh., Akkizov, A. Ya., Khashirokov, A. Kh. 2008. In Merpert, N. Ya., Korenevskii, S.N. (eds.). *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: Sbornik k 80-letiiu chlena-korrespondenta RAN, professora R.M. Munchaeva (Archaeology of the Caucasus and the Near East: Collection of Papers to the 80th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor R.M. Munchaev)*. Moscow: "Nauka" Publ., 123—155 (in Russian).
- Kuftin, B.A. 1941. *Arkheologicheskie rasopki v Trialeti (Archaeological Excavations in Trialeti)*. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian Soviet Socialist Republic (in Russian).
- Lovpache, N.G., Ditlev, P.A. 1988. In *Voprosy arkheologii Adygei (Questions of Archaeology of Adygea)*. Maykop, 105—139 (in Russian).
- Markovin, V.I. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 100—122 (in Russian).
- Munchaev, R.M. 1994. In Kushnareva K. Kh., Markovin, V.I. (eds.). *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Ranniaia i sredniaia bronza Kavkaza (The Bronze Age of Caucasus and Middle Asia. Early and Middle Bronze Age in Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158—225 (in Russian).
- Museibli, N.A. 2007. *Eneoliticheskoe poselenie Beiuk Kesik (Copper Age Settlement of Beiuk Kesik)*. Baku: "Nafta-Press" Publ. (in Russian).

⁶Ссылки на демонстрируемые материалы делаются с разрешения автора доклада.

- Nekhaev, A. A. 1990. In Zhdanovskii, A. M., Marchenko, I. I. (eds.). *Drevnie pamiatniki Kubani (Ancient Sites of Kuban)*. Krasnodar: Krasnodar State University, 5—22 (in Russian).
- Oganesian, V. E. 1988. In *Istoriko-filologicheskii zhurnal Akademii nauk Armianskoi SSR (Historical and Philological Journal of the Academy of Sciences of the Armenian Republic)* (4). Yerevan, 145—161 (in Russian).
- Passek, T. S. 1949. *Periodizatsiia tripol'skikh poselenii (III—II tys. do n.e.) (Periodization of Tripolye Settlements of III—II Millennia BC)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 10. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Piotrovskii, Yu. Yu. 1996. In *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikh Shlimana. Kataog vystavki (The Treasures of Troy from Heinrich Schliemann's Excavations: Catalogue of the Exhibition)*. Moscow: Pushkin Museum of Fine Arts (in Russian).
- Rezepkin, A. D. 1989. *Severo-zapadnyi Kavkaz v epokhu rannei i srednei bronzy (The North-Western Caucasus in the Early and Middle Bronze Age)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
- Rezepkin, A. D. 1991. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie kul'tury Prikuban'ia (Ancient Cultures of the Kuban Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 167—197 (in Russian).
- Rezepkin, A. D. 1991. In Pitskhelauri, K. (ed.). *Kavkaz v sisteme paleometallicheskh kul'tur Evrazii (The Caucasus in the System of Paleometallic Cultures of Eurasia)*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 72—79 (in Russian).
- Rezepkin, A. D. 2004. In Vishniatskii, L. B., Kovaleva, A. A., Shcheglova, O. A. (eds.). *Arkheolog: detektiv i myslitel' (The Archaeologist: Detective and Thinker)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 422—436 (in Russian).
- Rezepkin, A. D. 2008. In Merpert, N. Ya., Korenevsky, S. N. (eds.). *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: Sbornik k 80-letiiu chlena-korrespondenta RAN, professora R. M. Munchaeva (Archaeology of the Caucasus and the Near East: Collection of Papers to the 80th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor R. M. Munchaev)*. Moscow: "Taus" Publ., 157—176 (in Russian).
- Rezepkin, A. D. 2012. *Novosvobodnenskaia kul'tura (na osnove materialov mogil'nika Klady) (Novosvobodnenskaya Culture (with Special Reference to the Materials of the Klady Cemetery))*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Rezepkin, A. D. 2014. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* 10. Saint Petersburg, 93—103 (in Russian).
- Vasmer, M. 1986. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russian Etymological Dictionary)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
- Formozov, A. A. 1965. *Kamennyi vek i eneolit Prikuban'ia (Stone Age and Eneolithic of the Kuban Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Formozov, A. A., Chernykh, E. N. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 101, 102—109 (in Russian).
- Shishlov, A. V. 2012. *Issledovanie maikopskikh pamiatnikov v raione Novorossiiska. Doklad, pročitannyi na zasedanii Otdela arkheologii bronzovogo veka 20.09.2012 v Institute arkheologii RAN (Study of Maykop Sites near Novorossiysk. Report Presented at a Session of the Bronze Age Archaeology Department on 20.09.2012, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)*. (References to demonstrated materials are offered with the author's consent).
- Shishlov, A. V., Kolpakova, A. V., Fedorenko, I. V. 2010. In Bagae, M. Kh., Gadzhiev, M. S., Muzhukhoev, M. B. (eds.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza (Problems of Chronology and Periodization of the Archaeological Sites and Cultures of Northern Caucasus. The 26th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus)*. Magas: "Pilgrim" Publ., 374—377 (in Russian).
- Häusler, A. 1994. *Die Mäikop-Kultur und Mitteleuropa. Zeitschrift für Archäologie* 28. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 191—246.
- Frankfort, H. 1939. *Cylinder seals*. London: Macmillan.
- Kossian, R. 2005. *Nichtmegalithische Grabanlagen der Trichterbecherkultur in Deutschland und den Niederlanden*. Veröffentlichungen des Landesamtes für Vorgeschichte 58. Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte.
- Rezepkin, A. D. 2000. *Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien*. Archäologie in Eurasien 10. Rahden, Westf.: Verlag Marie Leindorf.
- Schröckel, W. R. 1966. *Katalog der Mitteldeutschen Gräber mit Westeuropäischen Elementen und der Galeriegräber Westdeutschlands*. Bonn.
- Todorova, H. 2002. *Durankulak*. Band II. *Der prähistorischen Gräber von Durankulak*. Berlin; Sofia. Deutsches Archäologisches Institut.
- Woolley, L. 1934. *Ur excavation. The Royal Cemetery*. Vol. I, II. Philadelphia: British Museum; Museum of the University of Pennsylvania.

Статья поступила в сборник 9 октября 2015 г.

Sergey Korenevskiy (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Корневский Сергей Николаевич (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: skorenevskiy@yandex.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation